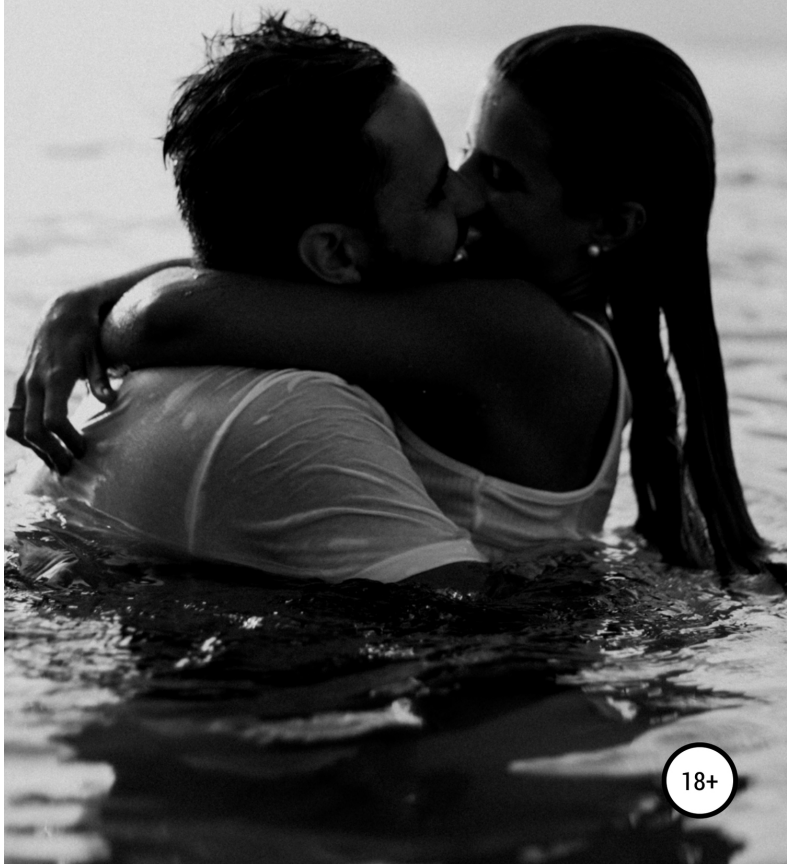

РОМАН МАМИН
СУБЛИМАЦИЯ ЛЮБВИ

18+

Роман Мамин

Сублимация любви

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63091903

SelfPub; 2020

ISBN 978-5-532-03221-7

Аннотация

Семнадцать архитектурных стилей – семнадцать историй о любви. Мы строим великолепные здания, совершаем безрассудные поступки, пишем картины, сочиняем музыку, когда любим. Во имя любви, вопреки любви, за любовь, вместо любви, но всё же... только благодаря ей мы движемся по эволюционным виткам истории и творим уникальные произведения искусства.

Содержание

Египетский стиль	6
Сказка о фараоне Снофру	7
Греческий стиль	16
Пракситель и Фрина	19
Игры полов	31
Римский стиль	42
Гедония	48
Аврелия и Силадус	57
Романский стиль	68
Невеста рыцаря	71
Мечь	78
Конец ознакомительного фрагмента.	95

Роман Мамин

Сублимация любви

Зигмунд Фрейд писал: *«Сублимация – это защитный механизм психики, а именно особый способ снятия внутреннего напряжения с помощью перенаправления энергии на достижение социально приемлемых целей, то есть на творчество».*

Оказывается, мы сублимируем свою сексуальную энергию в творчество!

Не знаю, кто как, а я вот точно сублимирую. В моей голове спонтанно возникают сюжеты, идеи, герои, и вроде это так, разгул фантазии, и нет никакой связи, и как бы сказал Зигмунд Фрейд, всё это от бессознательного. Но если бы не этот теоретик бессознательного, я бы не увидел за своими рассказами явно вырисовывающейся структурной связи и не узнал, что все они как раз и есть эта самая пресловутая *сублимация!*

Вечерами от скуки ли, от особого состояния души и от желания до зуда в пальцах творить, я открываю комп и пишу, вернее сказать, «стучу по клавише». Стучу долго, очень долго, пока нисходит на меня этот удивительный поток, пока связь с каким-то неведомым для меня миром открыта, и я словно впадаю в транс, а надо мной выход в открытый космос и чудесный свет пронизывает мою «черепушку», наполняя её

необъяснимым и бессознательным.

А через полчаса уже и не вспомню, о чём там стучал, о чём писал, но текст уже есть, и, перечитывая его на следующий день, я искренне удивляюсь тому, что написал!

Я архитектор и создаю проект типовых домов, загородных вилл с «заморочками» и без каких-либо претензий, и всё как обычно – я архитектор, правда, где-то в глубине моей души живёт совсем другой человек, которому нравится писать исторические новеллы с неким эротическим флёрком.

Когда меня просят спроектировать дом в определенном стиле – готическом, романском, классическом, модерн, в стиле ампир или ещё каком-то, то я начинаю изучать эти стили. Вы скажете, что в институте это всё уже изучалось, да, это так, но как-то это было второпях, вскользь – только для того, чтобы сдать зачёт. Когда же нужно создать для клиента «нечто» в определённом стиле, то приходится вживаться в эпоху и в исторические коллизии появления той или иной архитектурной моды. И я так увлекаюсь этим, что фактически живу в том времени, независимо от того, сколько лет, веков, тысячелетий это было назад – полное погружение в историческую эпоху. А затем за компом уже сидит именно тот человек, из того времени, из прошлого – и что-то строит, пишет, создает, одним словом, «сублимирует».

Египетский стиль

Стилей и направлений в зодчестве много, но я остановлюсь только на тех, что оказали на развитие архитектуры весомое влияние.

И первым архитектурным стилем условно принято считать египетский, потому как именно в Древнем Египте впервые в истории человечества возникла некая совокупность эстетики строительства со стройностью архитектурных канонов и общей гармонией архитектурного ансамбля.

Сказка о фараоне Снофру

Этой сказке больше четырех тысяч лет, и я знаю, что фараону Тутанхамону её читали! Это точно! Правда, сказке я придал немного эротической живости.

Однажды фараон Снофру загрустил. Всё стало не мило, всё опротивело: и яства, и жена – надо сказать, красавица, каких свет не видел, и танцовщицы, что нагишом разгуливали по дворцу, всё надоело! Ничто не радовало фараона!

И призвал он к себе мудрецов, и спросил:

– Вы, мудрейшие из мудрейших, скажите, что мне сделать, чтобы развеять мою тоску? (Скука в те времена была делом хлопотным и разъедающим душу.)

Мудрецы молчали, они боялись сказать глупость и поэтому лишь почёсывали свои лысые головы, смиренно потупив взоры, ожидая, пока кто-то скажет за них и, естественно, оплатится за это головой.

В гнетущей тишине старый чати (а проще – визирь), глупо вздохнув, выступил вперёд и молвил, закатывая глаза:

– О фараон, да будет он жив, цел и здоров! Да возрадуется его дух, – затянул он, подвывая...

Фараон озлился, гневно сдвинув брови, и, ударив золотым посохом об пол, прервал его:

– Хватит выть! Говори!

– Я бы сказал, – начал было чати, но вдруг, хитро подмиг-

нув фараону, добавил: – Да боюсь, жена твоя первая в доме твоём будет недовольна мною...

– А мы... а мы её... крокодилам скормим, если будет недовольна! – сказал Снофру, так же хитро подмигивая «мудрецу». (Вот такой жестокий фараон!)

И чати произнёс:

– О властитель моей души, возьми двадцать самых красивых наложниц и отправляйся с ними на озеро, пусть они накинут на себя рыболовные сети и встанут на место гребцов. Их тела порадуют тебя красотой, и тогда твоё сердце возрадуется, и скука отступит.

Фараону не очень-то понравилась мысль мудреца: «Чего же я не видел у голых танцовщиц и наложниц? Вон сколько их разгуливает по дворцу, и все нагишом, и ничем меня не радуют, только побрякивают своими позолоченными поясками». Но такая фараона охватывала скука, что он согласился.

И вот берег озера, по серебристой глади которого живописно разрослись и благоухают голубые лотосы. А надо сказать, что запах голубых лотосов действует на мужчин лучше даже семян салата латука (наша виагра). Барка медленно скользит по безмятежной воде. В барке фараон, двадцать прелестниц, да лысый чати.

Девы одеты лишь в рыбацкие сети, сквозь которые нежные и аппетитные части их тел так и рвутся наружу! Девы, встав на одно колено, гребут усердно и при каждом взмахе

вёсел и опускании их в воду одаривают фараона неопи­сываемым зрелищем своих самых потаённых мест.

И фараон зачарован... и чувствует то, что должен чувствовать каждый мужчина, глядя на весь этот прекрасный «затерянный мир». Все это неожиданно сладостно и интересно ему. Снофру даже немного развеселился, он уже собрался благодарить богов и мудреца за забаву, как вдруг одна из наложниц, что находилась на самой корме барки, привлекла его внимание.

Вела она себя как-то странно. То поправляла на себе золотой пояс­сок, то пыталась засунуть обратно за рыболовную сеть дерзко торчащую из-под неё грудь, то дотрагивалась до ободка из бисера на голове, и как-то не очень активно гребла и не попадала в такт общему мощному рывку дев-гребцов.

Надо отметить, что красавицей она не была, но в её облике и в хаотичных движениях было нечто, что заставило улыбнуться фараона Снофру. Может, очарование и непосредственность молодости, да необычно зелёные глаза, да волосы цвета льна – она явно не была дочерью чёрных земель Кеми (Египта). Фараон не мог оторвать от белокожей девы заморо­жённого взгляда.

Снофру подозвал чати и указал на ту, что в очередной раз поправляла на себе пояс­сок. (Чати скабрёзно улыбался, а в глазах его резвилась похоть.)

Фараон спросил его:

– Почему её волосы так светлы, глаза зеленее сурьмы, а

кожа белее молока ослицы?

– Эта? – чати равнодушно глянул в сторону девы с волосами цвета льна. – Она из далёкой страны, там, говорят, падает белая пыль с небес, вот поэтому, наверное, она такая бледная. Фи! Пусть лучше фараон, да будет он жив, цел и здоров, обратит своё драгоценное внимание вон на тех двух, что гребут так, что их розовые устрицы так и манят, так и манят... ох, – и он облизнулся, прикрыв свитком папируса то, что не могла уже скрыть его одежда.

Но Снофру не услышал его – он уже ничего не слышал. Он наблюдал за белянкой, за её сосками необычно розового цвета и за тем, как это создание, словно сотканное из лунного света, двигалось. Она гнулась вместе с веслом и поворачивалась к фараону: то попойкой, то наоборот, выгнувшись и прогнувшись немислимым образом, разворачивалась хорошеньким личиком, застенчиво улыбалась, опускала глаза и вновь разворачивалась к нему попойкой. Фараон приходил в восторг и млел, млел... и восхищался ею...

Вдруг беляночка веслом зацепила золотой поясок на своей тонкой талии, дёрнув, сорвала его и уронила в воду. И темная вода поглотила поясок в тот же миг! Что тут началось! Красавица чуть не бросилась за ним в воду! Вся перегнулась через бортик, раскрываясь и представляя и без того довольному глазу фараона все свои прелести. Фараон пришёл в неопишимо блаженное настроение. Он готов был, не думая, устремиться к ней и совершить то, что желало и тре-

бовало его тело, тело настоящего мужчины. Но беляночка вся целиком ушла в поиски пояска, ничуть не обращая внимания на Властелина Двух Корон! А он не сводил с нее вожделенного, требовательного взгляда.

– Приди ко мне! – приказал он. Она не обратила на него внимания (не услышала).

И подобная вольность его просто обескуражила!

– Оставь его! Я дам тебе другой и сотни лучших! – раздражённо произнёс фараон, стучая о палубу золотым посохом. – Приди ко мне сейчас же!

– Нет! Мне нужен мой поясок, а не лучший! – проговорила беляночка, обиженно поджимая губку. Слезки брызнули из зелёных глазок, она кокетливо смахнула ладошками слезинки. – И пока у меня не будет моего пояска, я буду плакать! И не приду к тебе!..

У Фараона от возмущения перехватило дыхание, и, раздосадованный подобным ответом, он приказал немедленно (!) осушить озеро и достать поясок, что так дорог прелестнице.

Мораль сей сказки такова: *«Из множества женщин дорога лишь та, что не ценит твои порывы и равнодушина к тебе. А ради любимой можно и озеро осушить!»*

Р. С. Через девять месяцев в Доме фараона Снофру родился мальчик, имя ему дали Хуфу (позже греки назовут его Хеопс). Хеопса можно по праву назвать одним из самых первых и величайших строителей: он так увлекался монумент-

тальным строительством, так стремился создать идеальную и самую большую пирамиду, что в итоге ему это удалось! Пирамида Хеопса вот уже несколько тысяч лет возвышается на плато Гиза, пугает своей мощью и поражает строгой красотой!

* * *

Надо добавить, что в строительстве фараоны проявляли недюжинные способности – сооружали пирамиды (не сами, конечно), создавали гранитные стелы и обелиски, строили или вырезали в скалах храмы.

Возведя пирамиду, фараон – сын Гора – уходил в царство Осириса со спокойным сердцем, уверенный в том, что его нетленный *дух* теперь-то уж точно устремится к сияющим звёздам и будет жить там вечно. А те фараоны, что вырезали гранитные стелы и возводили храмы, демонстрировали тем мастерство своих зодчих и, конечно же, своё величие. Так Хатшепсут – женщина-фараон – прославилась тем, что создала скальный храм в Дейр-эль-Бахри. И этот храм настоящий бриллиант в истории архитектуры Египта!

А фараон Аменхотеп III – дедушка Тутанхамона – увлекался не только крупным строительством, возведением храмов, но любил и малую архитектурную форму, то есть скульптуру. Он всюду, где только мог, ставил колоссов и сфинксов со своим лицом. Такой вот своеобразный реклам-

ный трюк: «Ты не знаешь своего властителя? Так вот же он! Смотри! Запомни! Произнеси его имя – и он будет жить вечно!»

Но самым знаменитым пиарщиком и архитектором Древнего Египта был, конечно же, Рамсес Великий. Он столько настроил, столько наворотил за своё семидесятилетнее правление, что его присутствие в Египте ощущается даже сейчас: повсюду огромные колоссы, храмы, стелы с его картушами, куда ни посмотри – всюду он – Рамсес II. Его скальные храмы в Абу-Симбел хоть и не жемчужины зодчества, но все же потрясают!

И пусть меня поправят архитекторы, если они не замирали, глядя на все эти пирамиды, храмы, обелиски с одной лишь мыслью: «Неужели это могли построить люди?! Люди, которые жили пять-шесть тысяч лет назад?! Неужели, имея всего лишь медные молотки и зубила да сани-волокуши, можно было создавать подобное?»

Храмы, вырезанные в скалах, ещё понятно, и даже для пирамид я могу найти толковое объяснение, как они были воздвигнуты, но как египтяне вытёсывали гигантские стелы или прорезали миллиметровые желобки в граните, проделывали круговые отверстия, как полировали до зеркального блеска диорит (!), совершенно не имея для этого подходящих инструментов – это загадка! Как?! Как они это делали?

Для меня зодчество древнего Египта лишь подтверждение того, что не всё так просто в истории, можно сказать, что

в ней отсутствуют важные звенья. Пусть меня осудят египтологи, но что-то не вяжется, что-то не склеивается в одно полотно, а вернее, что-то или, возможно, *кто-то* в нём отсутствует!

Единственное, что не вызывает у меня сомнения в древнеегипетской культуре, так это любовь! Любовь у египтян была! Да ещё какая! Может, выражали они её иначе, и влюблённые красавицы были более застенчивы, но!..

Я думаю, что самое интересное в эротическом плане изображение влюбленной пары – это изображение фараона Тутанхамона и Анхесенамон на спинке его золотого трона. Красиво и чувственно! Тутанхамон сидит на троне, чуть раскачиваясь, Анхесенамон стоит рядом и смотрит на него с нежностью. Она вся подалась вперед, к нему, к любимому, а игривый ветерок распахнул легчайшую ткань ее платья. И фараон любуется красотой почти обнажённого тела возлюбленной. У нее небольшой сосуд в руке, и, вероятно, она говорит ему в этот момент: «О, мой милый, не торопись царствовать, я умащу твое тело маслом... и давай займемся любовью!»

Нежностью наполнено каждое движение влюбленных, и только слепой не увидит, не прочувствует, не ощутит весь эротизм, исходящий от них. Эти двое счастливы, они любят друг друга и впереди у них целая вечность любви.

А ещё у Тутанхамона и Анхесенамон одна пара сандалий – одна на двоих (!), у него правая сандалия, у нее левая. Вот

такой своеобразный древний знак любви: «*Мы пара – мы одно целое*»!

Греческий стиль

О, эллины – древние греки, как прекрасно всё вами созданное! Храмы торжественны и великолепны! Скульптуры – чувственные, безмятежные и героически мужественные.

Мы сегодня кичимся нашими достижениями, ведь мы строим небоскребы (!), но при взгляде на храм, посвящённый Афине Палладе, – Парфенон, у меня возникает только один вопрос: как греки пришли к такой красоте? Как?! На каком витке мозгового, как говорится, штурма им пришли такие удивительные по своей красоте решения? Безукоризненные пропорции и безупречная соразмерность всех частей храма, симметрия, ничего лишнего – ни прибавить, ни убавить, логическая завершенность во всём! Фидий – главный зодчий храма, по-моему, настоящий гений!

Историки раскладывают всё по культурным слоям, систематизируют всё и вся, каждой черепушке найдут место, но вот объяснить, как (?!) греки пришли к таким совершенным архитектурным формам – они не могут!

Можно допустить, что греки заимствовали кое-что у египтян или минойцев, но каким нужно было обладать гением, чтобы довести все до такого совершенства!

Я не буду грузить вас терминами, поэтому в двух словах о самом главном в греческом стиле. Древние греки очень любили колонны. Колонны не просто эстетически приятны гла-

зу, они же выполняют важную функцию – это опора, на которой базируется крыша здания.

База, колонны, капитель, антаблемент, фризы – всё это в совокупности называется *ордер*.

Имеется три греческих ордера: *дорический, ионический, коринфский*.

Дорический ордер, можно сказать, мужественная строгость – колонны, как солдаты, без изысков, такие ровненькие столбики.

Ионический ордер с точки зрения пропорций уже более утончен: колонны становятся тоньше, капители завершаются специфическими завитками – *волютами*. Ионические колонны словно изящные, вытянутые ввысь женские фигурки с маленькими головками.

А вот коринфский ордер – это подчёркнутая роскошь в камне. Для коринфских колонн характерна пышно украшенная капитель с короткими завитками, как бы выходящими из орнаментальных листьев аканта. Очень красиво!

Важное место в архитектуре греческих храмов было отведено и скульптуре.

В понимании греков, красота – это пропорции и гармония. И красоте эллины не просто поклонялись, они её боготворили! По их философским убеждениям, *красивое не может быть порочным, а в совершенном теле только совершенный дух!*

К женщинам же у греков, можно сказать, стопроцентный

мужской подход: Гетеры – для услады духа! Порнаи¹ – для плоти! Жёны – для продолжения рода!

¹ Порная – в древней Греции простая проститутка, в отличие от гетеры, которая вела душевные и философские беседы, пела, танцевала, эстетически ублажая клиентов.

Пракситель и Фрина

IV до н. э. Афины

Философ Платон и его друг скульптор Пракситель шли по залитой солнцем мостовой, ведущей к Парфенону. Платон тяжело ступал, тяжело дышал, пухленькой ручкой прикрывал глаза от ярких лучей солнца. На его одутловатом лице сияла улыбка.

Пракситель, заложив руки за спину, шёл, низко склонив голову, словно что-то искал среди камней под ногами. Его, как мастера, вот уже несколько дней мучало едкое чувство недовольства собой. Печальные мысли грызли его изнутри, терзая, разъедали сознание, мол, нет в его скульптурах жизни, красоты и совершенства.

Платон, видя уныние друга, попытался отвлечь его от нерадостных мыслей, сказал:

– Сегодня в Афинах праздник – Посейдоновы мистерии... может...

Пракситель, даже не дослушав, оборвал его на полуслове:
– Нет! Нет! Никаких мистерий! Не до них мне! Я должен работать!

– Ах да-да... я забыл, тебе же граждане острова Коса заплатили за скульптуру Афродиты!

– Да! Они оплатили паросский мрамор. Уже! Мрамор ждёт меня... стоит под открытым небом... Время идёт, а я

не могу подступиться к работе! У меня нет достойной натурщицы! Боюсь, боюсь испортить великолепный камень. Нет, Платон, сегодня я должен работать...

– Ну тогда, друг мой, поднимемся к Парфенону!

– Зачем? – удивился Пракситель.

– Увидев великолепные скульптуры Фидия, ты наполнишься красотой, дух твой воспрянет, ты вновь обретёшь силу творчества!

Пракситель уныло вздохнул:

– Я их уже видел! Нет, не найти мне там вдохновения!

Оно ко мне приходит только в работе, хотя, возможно, ты прав... идём. Идём!

Они поднялись к храму. Пракситель, лишь мельком окинул взглядом величественный Парфенон, пошёл к противоположному краю холма, откуда открывался величественный вид на Афины. Там внизу среди олив темнели крыши домов, петляли залитые солнцем улочки. Оглянулся – Парфенон подобно белоснежной птице парил над прекрасным городом. Какая гармония! Какое совершенство!

Пракситель, вновь тяжело вздохнув, сказал:

– Нет. Не вижу я здесь вдохновения. Я хочу, чтобы мои работы были другими, а не как эти, – и он удручённо указал на фронтоны храма, где боги застыли в героических позах. – Они сражаются с гигантами и своей божественной красотой и силой славят величие Афин, но в них нет реальной жизни! Это же не люди! Боги! Где ты видел таких мужчин? Обыч-

ные люди другие – хилые, тощие, непропорциональные. Где такие совершенные мужские тела, а женские... где?

Платон искренне удивился, но сразу же нашёл, чем возразить ему, строго сказал:

– Не забывай: мера и соблюдение традиций – вот залог...

– Платон! Остановись! Оставь свои сентенции для академий! – раздражённо прервал его Пракситель. – Мера? Мера чего?! Как можно определить ту самую меру, о которой ты говоришь? А как определить красоту? Ты хоть сам это знаешь?!

– Я...

Но Пракситель поспешно остановил друга рукой.

– Послушай меня. Думаю, пришло время менять традиции! Вот старые мастера... за меру их таланта считали, если им удавалось передать в камне суровую мужественность юноши – *куроса*², и их юноши статичны, но затем настало время скульптора Мирона, и мерой его мастерства стало движение! Ты видел скульптуру «Юноша с диском»?

– Видел.

– Разве это не чудо? Атлет склоняется, на малую толику мгновения замирает, его мышцы напряжены, ты их видишь, и ты чувствуешь эту мощь, ещё мгновение... и он выпрямится... и диск взметнётся ввысь. А «Юноша-копьеносец», созданный Поликлетом? Разве глядя на него, ты не восхищался плавностью движений юного совершенного тела? Это же

² Курос – древнегреческая скульптура юноши.

грация молодого льва!

– Да-да... грация молодого льва...

– А я? Что делаю я? Что я делаю? Гермеса? Но самое главное, мужскую красоту, хоть мужественную, хоть чувственную, мы хоть как-то, каждый по-своему, но показать ещё можем, а как создать красоту женщины? Ты знаешь? Если придерживаться, как ты сказал, меры и соблюдения традиций, то Афродита должна стоять с ног до головы укутанная покрывалом. Таковы традиции! Но как же мне тогда показать, что она богиня *любви и красоты*?! Как?.. И разве есть такое совершенное женское тело, тело как у богини?!

Платон внимательно слушал друга. Его большие, такие умные глаза в упор смотрели на Праксителя, смотрели изучающе. Брови двигались, словно он что-то обдумывал, словно Пракситель был сейчас подтверждением его собственной теории о человеческой душе.

Заметив это, Пракситель, ещё больше раздражаясь, сказал:

– Хватит меня изучать! Ты же не скульптор! Вот мне не надо тебя изучать, я и так вижу, что голова у тебя слишком большая, а шея короткая! Ты весь непропорционален, но ты счастлив и смеешь рассуждать о *мере*, – взглядом скульптора Пракситель скользнул по грузной фигуре философа. – Ноги твои короткие, пальцы толстые, как бочонки, а ещё отвислый живот уродует и без того твоё «совершенное тело»!

Платон его замечания, казалось, не слышал, он лишь со-

средоточенно наблюдал за другом, а потом неожиданно сказал:

– Я знаю, в тебе восстает твоё творческое начало, раздираемое страстями, которым нет выхода! Но я знаю, как тебе помочь!

– Как же? – съехидничал скульптор.

– Вечером пойдём к новой гетере, о красоте которой говорят все Афины!

– Ну, вот ещё! Не хожу я к гетерам! Не хочу! Сидеть там, впустую говорить, делать вид, что мне интересна подобная трата времени, умиляться танцами и пением какой-то там гетеры лишь для того, чтобы она снизошла до моих человеческих желаний и возлегла со мной на ложе любви! Нет! Я уж лучше к порнякам.

– Но ты наверняка ещё не видел Фрину!

– Не видел и не хочу...

– Не видел?.. Ты не видел Фрину?! – Платон от удивления даже остановился и, хитро улыбаясь, добавил: – Ну тогда идём к морю!

– Да-да идём, освежимся, – радостно подхватил его предложение Пракситель.

Долго шли, и вот почти у самой воды путь им преградила праздничная процессия. Полуобнажённые девы – самые красивые дочери Афин, воздавая почести богам, шли двумя стройными колоннами. Они несли кувшины и блюда с лепестками роз. Их юные стройные фигуры лишь с неболь-

шими кусочками ткани на бёдрах вызывали всеобщие одоб- рительные возгласы. Мужи Афин провожали прелестниц во- жделенными взглядами, рисуя себе, как хороши те в храме Афродиты на ложе любви.

Вдруг толпа ахнула, как один человек, и заврожённо при- тихла...

Пракситель и не понял, что произошло...

Он, как скульптор, сосредоточенно впивался взглядом в каждую из прелестниц, старался увидеть ту самую, которая могла бы стать его натурщицей, его Афродитой. Но ни одна из полуобнажённных красавиц не соответствовала его требо- ваниям: то грудь слишком большая, то наоборот, маловата, то бёдра слишком массивные, то узки, как у мальчика.

Вот дева с красивой грудью и округлыми бёдрами, но чуть дольше задержав на ней взгляд, он отмечает, что голова её, как у Платона, несоразмерно большая и зиждется на корот- кой шее. Другие же «красавицы» из-за несовершенства тел даже заставили Праксителя сплюнуть в дорожную пыль – он разозлился, сморщился и негодующе отвернулся от них.

– Нет, не найти мне здесь натурщицы! Придётся отпра- вляться в Айгиптус³.

Он было устремился прочь, но толпа восторженно ахну- ла как один человек. Пракситель остановился в замешатель- стве, оглянулся, посмотрел туда, куда смотрели все, и вос- кликнул:

³ Айгиптус – древнегреческое название Египта.

– Боги! Кто это?!

– Фрина! – восторженным шепотом ответила толпа.

– Фри-и-н-на... – растерянно вторил им Пракситель.

Прямо на него шла богиня! Стройная, кроткая, грациозная, как лань, она застенчиво шла, чуть склонив голову. Волосы струились по плечам лёгкими волнами, упруго поддёргивалась восхитительная высокая грудь с едва различимыми сосками, а изящные руки всё пытались прикрыть их совершенную наготу, и это вызывало ещё большее народное одобрение и возгласы восхищения. О, это были не те одобрительные выкрики красоте дев, нет, это уже были сдавленные стоны мужских сердец, что не могли совладать с собой – так прекрасна была она!

От Фрины шёл незримый божественный свет, и теперь все взгляды были прикованы только к ней, словно и не было никого больше! А она шла, склонив голову, и стыдливый румянец покрывал её лицо!

Девы дошли до воды и уже полностью обнажились, а все смотрели только на Фрину! Девы гурьбой забегали в воду (и, казалось бы, зрелище захватывающее: десятки молодых, обнажённых красавиц, и возрадуйся всяк видящий!), но все смотрели только на неё! Лишь Пракситель острым, беглым взглядом мастера оценивал входящих в синие воды: у этой отвисшие ягодицы и слишком покатые плечи; эта худа, даже тоща, да так, что выступают позвонки и торчат в разные стороны лопатки; а у этой несоразмерны длины ног и спины...

Он боялся признаться, что с замиранием сердца ждёт, когда же обнажится Фрина. Боялся найти и в ней изъяны!

А девы уже выбегали из холодной воды, и опять же возрадуйся каждый пришедший на праздник, полюбуйся, сколько красавиц оголилось ради того, чтобы воздать благодарность богам – такое бывает лишь в дни мистерий! Но нет, взгляды всех мужчин (да и женщин) были обращены к Фрине. А она не спеша подошла к кромке воды и долго стояла, не обнажаясь, пока все девы не вышли из моря. Она ждала, инстинктивно чувствуя (или зная), что все они только фон, шумный и незатейливый, лишь для того, чтобы оттенить её красоту, а взоры толпы прикованы именно к ней, к её красоте.

Море чуть колыхалось – бирюзовая гладь подёргивалась белой рябью. Фрина неспешно подняла красивые руки с нежными, трепетными пальцами, собрала волнистые волосы в тугой узел на затылке, легонько дотронулась до пояса на тонкой талии, и невесомая ткань заструилась по стройным ногам. Вновь восхищённый стон, словно один человек выдохнул, будто удивился. И было чему! Со спины красота Фрины была ещё более волнительной: великолепные плечи, спина, талия, бёдра, ягодицы не слишком велики и не тощи, а дальше... дальше удивительной красоты ноги. (Взрослые, опытные мужчины одобрительно кивали, юнцы учащённо дышали...)

Грациозно вошла в воду Фрина,

*Нежно окутали воды прекрасное тело,
Затаив дыхание, все ожидали её возвращения.
Вот, окунувшись несколько раз,
она возвращается, улыбкой своей потрясая.
Солнце искрится в каплях на мраморной коже,
словно подсвечивая и без того прекрасное тело...
Толпа ликовала: «Фрина! Божественна твоя красота!»*

И озарённый идеей Пракситель вдруг воскликнул:

– Так вот же она! Платон, я нашел ее! Смотри! Афродита, выходящая из пены морской! – указывая на Фрину, оживился Пракситель. – Вот она, моя Афродита – богиня любви и красоты!

А Фрина, выйдя на берег, подобно богине, гордо, с едва уловимой улыбкой, лоно застенчиво прикрывая рукою, ткань подняла и, облачившись поспешно, ушла сквозь расступившуюся перед нею толпу.

Пракситель так и остался стоять, зорко выхватывая каждое движение Фрины: и лёгкую походку, и улыбку, скользющую по губам, и голову в едва заметном поклоне, и то, как она целомудренно прикрывает свое лоно от жадных взглядов...

– Она совершенна! Какие безупречные пропорции! Какая грация! Кто же она?

– Гетера! – улыбнулся Платон.

– Фрина – гетера?!

– Да! Гетера! И сегодня я иду к ней! – все так же улыбался

Платон. – Идешь со мной?

Пракситель не нашелся, что ответить, лишь кивнул и зализался краской до корней волос. А уже на следующий день, вдыхая мраморную пыль, он самозабвенно высекал прекрасную Фрину в камне. Теперь он знал, как создать Афродиту, какой. Именно какой! Он создаст обнажённую богиню! Обнажённую! Впервые! Никто из старых мастеров не осмелился бы этого сделать, а он сделает и будет первым, кто прославит божественную, чувственную красоту женщины!

Но самое главное – он влюбился! И опьянённый любовью, он создает обнажённую статую Афродиты. Правда, жители острова Кос откажутся от подобной богини (разве может богиня быть нагой?). Тогда Пракситель создаст для них ещё одну Афродиту, целомудренно закутанную тканью, но и такая – «стыдливая» – она будет поражать всех чувственной красотой, что даже не может скрыть мраморный покров. А статую обнажённой Афродиты купят жители острова Книда и поставят в храме, и паломники со всей Греции вереницей потянутся преклонять перед ней колени. И будут шептать, молитвенно простирая руки: «Как ты прекрасна, Афродита!», а думать: «Как ты божественна, Фрина!»

Слава Фрины всколыхнет Афины и вызовет естественную ненависть всех женщин города. Ее осудят за безбожие и развращение граждан. Защищать Фрину возьмётся известный оратор Гиперид. Когда же на суде у него не останется слов в её защиту, когда смертный приговор неминуемо нависнет

над ней, он в отчаянном порыве выведет Фрину перед ареопагом и, сдёрнув с плеч покрывало, оголит ее...

...Ареопаг замер, судьи смотрели на Фрину, что, низко склонив голову, прикрывала руками обнажённую грудь и лопатки. Но как она ни пыталась прикрыть наготу, ей это не удавалось. Мужчины в изумлённом молчании смотрели на неё. Кто-то даже привстал, чтобы лучше рассмотреть: и грудь, с нежными, как лепестки роз, сосками, и удивительной красоты плечи, тонкую талию и мягкую линию бёдер – вздох одобрения пролетел над головами мужчин (а у многих зачесались ладони, жар охватил их тела). Вдруг в наступившей тишине прозвучало пока еще несмелое: *«Она невиновна!»*

И судьи, восхищенные её красотой, подхватили и закричали все как один:

– Она невиновна!

– Невиновна!

– В таком превосходном теле не может быть несовершенного духа!

– Она невиновна!

– Невиновна!

Р. С. Возможно, именно после этого суда над Фриной Аристотель изрёк свою знаменитую сентенцию: *«Закон есть разум, свободный от страсти!»*

* * *

Если бы меня попросили назвать три понятия, с чем у меня ассоциируется Греция, то я бы, не задумываясь, ответил: Парфенон, Афродита, Олимпийские игры. Греки – единственные в истории человечества, кто военные конфликты заменил спортивными состязаниями. А началось это очень даже просто: чтобы ослабить соперничество между городами – *полисами* и не проливать потоки крови на полях сражений, эллины решили проводить Олимпийские игры. Первые игры состоялись в 776 году до н. э. Спорт – это подарок древних греков всему человечеству. Сейчас мы не мыслим себя без спорта, без фитнеса, бассейнов, но бывает так, что «*Игры полов*» интересней обычных спортивных состязаний...

Игры полов

Год 2000, 2010, 2020 (разницы нет!)

- Алло, – голос на том конце провода нежен и приятен.
- Я хотел бы посмотреть квартиру.
- Какое время для вас предпочтительней?
- Желательно вечером...

Положил трубку, сверкнул глазами, мысленно улыбнулся – уж очень у неё голос обещающий: ласковый, зазывающий, но как бы с дистанцией, никаких заискивающих ноток и полная уверенность в себе. Да, всё так. Но что-то в этом «обычном» голосе улавливается другое. Мягче. Мягче... Да! Именно так – голос ее стал мягче, то ли с придыханием, как с затаённой радостью от будущей встречи, то ли озорная искорка в глазах промелькнула, и это сразу же отозвалось в голосе. Я этого не знал, но почувствовал. Почувствовал, как самец самку, как лев запах львицы из чужого прайда за сотню шагов. Из чужого прайда... чужая... но как манит!

Когда она неспешно, как по подиуму, давая мне оценить её красоту, подошла к машине, я понял: она слишком хороша, чтобы быть простым агентом по недвижимости. Слишком хороша! Красивые длиннющие ноги, красивое лицо, красивый разрез глаз, красивый чувственный рот, волосы – сочная рыжая бестия, красивые руки с дорогим маникюром, за воротом распахнутой шубки красивая шея, поражает неж-

ностью и атласом кожи. И венка на шее чуть пульсирует, привлекает внимание, и все это так красиво, чувственно, что я невольно улыбаюсь, улыбаюсь глазами, искрю ими – я уже охотник. Знаю, она мне нравится, и она будет моей! Я это знаю. Всё остальное – дело времени. И настоящий охотник во мне потирает от удовольствия руки.

Игра началась.

Первый раунд

Я поднимался за ней по лестнице. Прямая спинка, коротенькая шубка, а дальше джинсы и топорщатся упругие ягодички, которые так и хочется шлепнуть или ухватить. Так бы и ухватил, так бы и сдавил их... Ладони зачесались.

От неё приятно пахнет свежестью – шлейф изысканных духов. Ножки семят по лестнице. И она всё время оборачивается – пытается разговаривать со мной. Отвечаю. Но это ответы не на вопросы и не ей, а все ответы ее попке, разговариваю с этой аппетитной, красивенькой попкой...

И мысленно я уже остановил ее... здесь, на лестнице, здесь так удобно... поза номер два – лицом к стене... Она упёрлась руками в стену, податливо прогнулась, запрокинув голову, окатила запахом душистых волос. Я потерялся в этой рыжей копне, пахнущей свежестью. Губами нашел шею... ухо... покусываю ухо... шею... А руки? Руки каждая в своём ампула – одна придерживает тоненький девичий стан, другая

уже стягивает с неё неподатливые джинсы. Они застревают на крутых бедрах. Обозлившись, уже двумя руками стягиваю с неё проклятушие джинсы, а там, там тонкая полоска черных кружев на белоснежной коже. Черт, что у неё за попа, шедевр, а не попа. Вздёрнутые, красивейшие ягодички, такие упругие, сочные, да ещё в этом кружевном роскошестве!

Обхватываю их руками... сдавливаю... Нет, стоп! Отпрянул! Забыл! Забыл поцеловать их, впиться в них, ласково покусать их... забыл насладиться нежностью кожи и запахом её тела... Она томно стонет: «А-а...»

– А-а... – её неожиданный возглас оборвал меня на взлёте. Она повернулась, показывая на дверь: – А вот и квартира...

Раунд второй

– Да!.. Нет! – тяну каждый звук, впиваясь в неё глазами. Мне нравится наблюдать за ней, за ее переживаниями, что ясно читаются на хорошеньком личике. – Нет... м-м-м... Наверное, нет, мне не нравится эта квартира! Или все же... подумаю! Но... но... нет... я покупаю... Покупаю!

– Уф! – она не скрывает радости! (Как же! Так долго, вероятно, не было продаж, деньги на исходе, и дома шаром покати.) И она торопится довести всё до юридического конца. – Тогда вам нужно внести задаток.

– Хорошо! – мысленно скользнул по точёной фигурке, не смотрю, нет, сканирую.

Вижу её всю и даже без одежды, мне не нужно водить по ней взглядом – вижу её и так. Полные губы, чувственный влажный ротик, горячий, страстный; ямочку на щеке вижу и родинку на шее. Вижу пульс на ключице, вижу нежную линию талии, и бархат её кожи – вижу! Вижу её желание – она хочет меня! Улыбаюсь... Она принимает мою улыбку за радость покупки, повторяет:

– Залог внесете сейчас? – и робко добавляет: – Или?..

Она, склонив голову, улыбнулась (как-то уж очень томно она улыбнулась).

– Сейчас! – произношу, но это «сейчас» звучит слишком чувственно и относится совсем не к деньгам. Это мое «сейчас» принадлежит той венке, что пульсирует у неё на ключице, и ямочке на красивой попке, желанию в её глазах и чуть неровному сбившемуся дыханию. И я повторяю уже настойчиво, серьезно: – Сей-час!

Она ответила мне лишь глазами, а в них – благодарный восторг!

– Сейчас! – и вновь соблазнительно ласковая улыбка скользит по моим губам. (Знаю, они у меня красивые!)

Она улыбается мне уже другой улыбкой – она поняла! Поняла всё: и эти чертовщинки в моих глазах, и улыбку нежную, чувственную. Она лишь на доли мгновения задержала на мне взгляд, на том, как я вдруг, глядя на её грудь, инстинктивно облизнул губы, и улыбнулась уже именно им, моим губам (и она даже ощутила их прикосновение у себя на

шее – чуть ниже ключицы), зарделась, потупила взор, и случилось странное!.. Странно! Но она покрылась мелкой испариной! (Я видел это!) И я понял: «Она – моя!»

А она?

Она нежно пролепетала:

– Нам нужно проехать в офис...

Раунд третий

Офис огромный, множество комнат с кожаной мебелью и тонюсенькими мониторами. И кишмя кишит народ. Хоть уже и поздний вечер, но у всех такой озабоченный вид, словно завтра вселенский потоп, потому им всем нужно, просто необходимо, срочно продать оставшихся мест так сто в Рай.

Я долго изучал бумаги, спорил с директором (неприятная, надо сказать, тетка) и поглядывал на свою рыжую бестию. Она бледнела, краснела, казалось, застревая взглядом на мне и на моих губах, вновь и вновь покрывалась испариной...

Сколько это всё тянулось, не помню, но, как кино одного кадра, в голове чётко застряла картинка: она – мой Рыжик, доставая какой-то очередной документ, не обошла стол и не присела перед ящиком, а перегнувшись через стол, попыталась достать бумаги, демонстрируя мне все свои миленькие прелести. Всё бы ничего, да вот только она была уже в юбочке! В коротенькой юбочке! (Когда успела переодеться? Зараза!) И какая зараза! Продумала всё! И высоту стола, и то, как

я сидел, и то, что видеть её мог только я, и то, что я мог видеть! Она перегнулась через стол, почти легла на него и даже не видно, где голова, да голова и не нужна. Зачем голова в такой-то позе?! Точёные ножки в чёрных чулочках с кружевной резинкой, и попка двумя упругими яблоками... Уф. Зараза!

А она как резко легла, так резко и встала, но по тому, как одёрнула юбочку и игриво взглянула на меня, я понял: всё это специально. Специально для меня! Благодарно улыбнулся ей опять же одними глазами, подумал: «Зая, я тебя ух!..»

Она взглядом парировала: «Попробуй». А я, перехватив этот взгляд, уже и не думал о сделке, а мысленно затащил её вон в ту дальнюю комнату и, распластав ее там, на столе, попой вверх...

Раунд четвертый

Нет! Не случилось! Не произошло! Кишмя кишит народ – готовятся к вселенскому потопу... И Рыжик мой уж больно серьёзная!

Или?..

Может?..

Нет, вижу, нравлюсь ей...

Играет...

Меня заводит, распалюсь ещё больше – женская *недоступность* всегда и всех мужиков заводит, распалает, будо-

ражит, вызывает желание бороться за недоступное тело. Возможно, не так уж и нужно именно *это* тело – но его же не подали ни на жаркое, ни на десерт, его лишь демонстрируют в меню. Оно кажется таким аппетитным! И текут слюнки! И как мальчишке хочется иметь новую машинку, а потом открутить все колёса и заглянуть под капот – так и тут: залезть к очередной *недоступности* под юбку так хочется! Интересно! Хотя, может, и не так весело, как откручивать колёса у новенькой машинки.

Хорошо! Игра продолжается, так даже интересней!

– Может, выпьем шампанского, отметим сделку? – произношу эту фразу как бы вскользь, с интонацией «выбор за тобой, твоё желание – твоё решение, а мне это как бы по барабану», но сам, не отрываясь, слежу и за её ресницами, и за дыханием, за легким движением плеча.

– Да не знаю...

Так, ломается, уже хорошо! Зацепило! Значит, только этого и ждала!

Очень всё миленько и душевно: ресторан подальше от посторонних глаз, и она покраснелась от выпитого шампанского – повеселевшая, ставшая чуть роднее и мягче. Она всё улыбается и смеётся грудным тёплым голосом, томно опускает глаза и склоняет голову в сторону так, как если бы видела меня уже раздетым и пыталась оценить меня. В этом взгляде и в том, как скользила (уже она скользила!) по мне глазами, я видел её желание, видел, что только не говорит об

этом, не кричит, не шепчет, прильнув ко мне разгорячённой грудью, не шепчет мне в ухо, что хочет *этого* и *сейчас!*

Её томный, скользящий взгляд распалает меня, и я уже чувствую влажность и бархатистость кожи, её бархат у себя на груди, и она ласкает меня... и уже всадница... на мне! А я скольжу руками по телу, по груди, что вольно колышется... и розовый сосок перед глазами... и пытаюсь дотянуться до него губами... дотягиваюсь, тяну на себя, и она уже не всадница, а моя пленница. Сдавливаю её, подминаю под себя... Смотрю на неё – глаза чуть прикрыты, с поволокой, улыбка блаженная... И вдруг она вздрагивает, закрывает глаза и томно выдыхает...

Раунд пятый

– Надо... – выдыхает пьяно, томно. – Надо ехать!

Сказала и, поправляя юбочку, встала.

Я в ступоре! Как? Как обухом по голове! Опять осечка?! А ведь всё было так хорошо и плыло в верном направлении... И обозлившись, но всё ещё не теряя спокойствия, произношу как можно мягче, хотя в глазах уже молнии:

– У нас ещё есть время!

– Нет! Нет, миленький! Работа! Работа! Ещё один клиент! – говорит так, словно и не хочет уходить от меня, но ей так надо.

Брови мои, чувствую, ползут вверх: «В такое-то время

клиент? А я? Не клиент?»

Меня охватывает к этому неведомому клиенту ненависть! Или нет, соперничество: она – мой Рыжик – спешит сейчас к кому-то... «Ха! Щас!»

– Сейчас мы этого клиента ликвидируем! – улыбаюсь и вступаю в борьбу с ним, с неведомым клиентом, за право быть с ней ещё часок, вступаю в борьбу за обладание этой самкой, *недоступной* для меня самкой!

– Нет, что ты! Тогда я не получу свои проценты с аванса! – в её голосе чуть ли не дрожь, а на глазах навернулись слёзки.

И опять в ней, в её облике так всё и кричит: «Я не хочу уходить – ты такой милый, но так надо идти! Так надо! Надо! Работа!» (Ну, актриса! Ай, мужики, скажу я вам: женщины такие игруньи, актрисы! МХАТ отдыхает! Да их всех без экзаменов можно принимать в любой артистический вуз. А особенно хороши они в постельных сценах – сама разглядывает цветочки на обоях, а тебе: «Да, да, милый! Да, да, ты просто супер! Ой! Ай! *Das ist fantastisch!* И главное, не забывает при этом стонать и учащенно дышать!»)

Так! Стоп!

Конечно, надутые губки и трепет в голосе, и это страдальческое лицо в дикой попытке заработать на жизнь, вызывают у меня приступ сострадания к её титаническим усилиям, или, возможно, во мне проснулось милосердие, или как там, меценатство? Ах, нет, это извечное наше мужское: «Милая, я помогу тебе! Ведь я как бы бог!» (Ну и, конечно, всё это

в контексте: «А ты уж, милая, люби меня!» И вот здесь-то они нас и ловят! И мы, сами того не ведая, проигрываем, попадая в расставленные сети. Позвольте заметить, очень умело расставленные! Это как хук справа от левши. И знать не знаешь, и ведать не ведаешь, а получаешь. А ловят они нас на живца – на красивенькие ножки, пухлые губки, ну и на подобные словечки.)

Но я опять отвлекся.

Я воспарил: «Ха, если дело в деньгах, мы это поправим, и ты, Рыжик, будешь сегодня со мной!» И ей обрадованно:

– А сколько заработаешь за сделку?

– Если клиент покупает ту квартиру, то две тысячи!

– Я дам тебе эти деньги... – произношу я с превосходством и собственной значимостью, уже ни на миг не сомневаясь в своём выигрыше, откидываюсь на спинку стула, достаю бумажник, хрущу бенджаминовскими лицами...

– Спасибо!.. Я достаточно зарабатываю!.. – гордо произносит она, встаёт и направляется к выходу. Всем своим видом, прямой спиной, чуть вскинутой головой показывая – она обижена!

– М-м-м-да! – удивлен, что и говорить, но как завело! Вау! «Серьёзная девочка! Не такая, как все! Вау!»

Но только «вау!»-то оно «вау!». Мы-то с вами умные и знаем, что подобный её отказ заранее продуман ею. Это ход конём, это тот самый пресловутый гамбит: потерять малое, чтобы выиграть инициативу, а затем выиграть *всё!*

И подобное ею проиграно десятки раз, она знает до мелочей, где и как, что сказать, как встать, как уйти, чтобы я кинулся её догонять, уже считая, что в мои руки попала самая-самая-самая. Ситуация до смешного повторяется со всеми мужиками! А уж таким умением разводить *нас* обладают лишь незаурядные женщины. Женщины, умеющие это делать, – это профи!

Это простая влюбленная дурёха будет краснеть, бледнеть, отнекиваться от протянутых по случаю душевной щедрости денег. Эти же – нет! Они, лишь скучковавшись за чашечкой кофе где-нибудь в кафешке, будут делиться друг с другом, как развели очередного «клиента», горделиво демонстрируя подарки от «богатенького Буратино». При этом так поливать его грязью, что возникает вопрос: «Если он так плох, он тебе неприятен, а ты с ним была, тогда кто проиграл в этом?»

– Кто проиграл? И кто выиграл Игру?..

Римский стиль

Если одним словом выразить суть *римского стиля*, то это, конечно же, «роскошь». Любовь к роскоши у римлян, вероятно, стимулировали богатства завоёванных ими народов. Сначала это были этруски, затем, в 146 г. до н. э., они завоевали Грецию, а в 30 г. до н. э. Великий Египет пал к ногам Рима.

Но нужно отдать должное римлянам – они с благодарностью перенимали у побеждённых всё самое лучшее. У этрусков особо значимым заимствованием, конечно же, была циркулярная арка, позволившая затем римлянам строить многоэтажные здания. У греков римляне позаимствовали симметрию, ордеры и скульптуру, у египтян – любовь к монументальности. Беря у побеждённых народов всё самое лучшее, они соединяли разрозненные знания и творили свою имперскую архитектуру.

Мы иногда думаем: «Ах, как они далеки от нас эти древние римляне, что они там могли, что знали на заре-то человечества?» Но вот что интересно: именно римляне впервые из вулканического пепла изобрели прочный водонепроницаемый бетон и стали возводить сводчатые перекрытия и строить многоэтажные здания. Они покрыли сеть великолепных мощёных дорог не только саму Италию, но и отдалённые провинции – протектораты.

Ещё в I веке до н. э. были написаны первые трактаты по архитектуре – и именно римским архитектором! На латыни его имя звучит божественно красиво: Marcus Vitruvius Pollio. Этот Витрувий под руководством Юлия Цезаря создавал военные машины, это он строил акведуки и мосты, это он был автором эргономической системы пропорционирования, что впоследствии получила название «Витрувианский человек». Эта система имела широкое распространение в искусстве и архитектуре. Витрувий был тем, кто в своей работе «Десять книг об архитектуре» впервые обобщил опыт греческих и римских мастеров и систематизировал основные принципы художественного восприятия. (Он был первый, а уж через 1500 лет был Леонардо да Винчи.)

Римляне вообще соединяли, казалось бы, несоединимое. Греки ужаснулись бы, видя, как римляне поступали с их любимыми совершенными колоннами, что они с ними сотворили! Но свободные граждане Рима, вольно соединив три греческих ордера, получили ещё два добавочных архитектурных ордера.

Лишь скульптуру римляне переняли у греков без изменений – как эталон красоты, как совершенство. Римские мастера тщательно копировали статуи Афин, Афродит, атлетов, юношей-копьеносцев, правда, переименовывая на свой лад. Так скульптура Праксителя «Афродита» стала называться *Venus pudica* – «Венера стыдливая», Гермеса римляне окрестили Меркурием, а Зевса – Юпитером.

Итак: для *римского стиля* характерны пышность в убранстве, мрамор, золото, пурпурный цвет, украшенные листьями аканта колонны, копии греческих скульптур.

Для того чтобы воочию соприкоснуться с Римской империей, неплохо бы побывать в музее под открытым небом – в Помпеях⁴. Для меня этот город – откровение!

Бродя по узким улочкам, наполняешься стойким ощущением живого города, только его жители почему-то прячутся по своим домам, да со страхом наблюдают за тобой из своих таинственных укрытий. Не знаю, кто как, а я постоянно чувствовал на себе пристальный взгляд с той стороны времени, до неприятного жжения под мозжечком (наверное, так чувствует себя человек, зная, что на него наведён прицел снайпера). Возможно, души помпейцев, погибших под тоннами пепла, незримо присутствуют здесь и ревностно охраняют своё право на тишину? Возможно.

В Помпеях всё как на ладони: вот форум, вот базилика, храмы, амфитеатры, термы, богатые дома с атриумами и перистилями, с фонтанчиками, с фресками и мозаикой. Мебель не сохранилась – сгорело всё, что могло гореть, но на фресках – прекрасные матроны, закутанные в багровые ткани, они возлежат на невысоких мраморных скамьях, рядом патриции в алых тогах, с золотыми кубками, вальяжно об-

⁴ 16 февраля 63 года Помпеи были частично разрушены землетрясением, через год случилось еще одно землетрясение.

суждают последние новости с городского форума... И всюду роскошь, всюду эта возмутительная роскошь!

Нет ни одного туриста, кто бы не посетил самое злочное место древнего города – *лупанар* – публичный дом. Что и говорить, мы недалеко ушли от них, древних римлян, разве что проституток мы называем «ночными бабочками», а они их называли «волчицами». На улицах городов было темно, и чтобы привлечь клиентов, женщины завывали подобно волчицам.

Со скабрёзными, ханжескими улыбками, с затаённым интересом, мы заходим в маленькое двухэтажное зданьице (надо сказать, отлично отреставрированное), протискиваемся по коридорчику, всюду заглядываем и, мысленно примеряясь к каменным лежанкам, вглядываемся в откровенные росписи на стенах – может, в них мы откроем что-то новое для себя?

Но нет, ничего нового. Древние римляне были такими же, как мы, и так же стремились к удовольствию и наслаждению. От этого ещё больше наваливается ощущение их незримого присутствия и несущественности пролетевших веков – эти люди были как мы, любили как мы, только раньше, раньше всего на каких-то пару тысяч лет!

Моё сердце и мозг отказываются это воспринимать. И в какой-то момент я замечаю, что все туристы находятся в отключённом состоянии, ощущение страшной катастрофы теряется за прозаическим: ходим, жуём пиццу, потягиваем из

бутылочек «*Колу*», посмеиваемся над знаками в виде фаллоса на стенах, щёлкаем фотоаппаратами. Для нас Помпеи всего лишь туристический аттракцион.

Но аттракцион заканчивается там, где ты сталкиваешься с истинным воплощением смерти – это гипсовые слепки тел погибших помпейцев. В пустоты, что образовались в вулканических выбросах от тел погибших, археологи заливали гипс, как в форму, получая при этом посмертные скульптуры тех, кого застала врасплох стихия. Скрученные тела несчастных, их стремление любым способом укрыться, спастись, и ужас, отчаянье на их лицах – это невыносимое зрелище, оно сродни душевному коллапсу.

Этих скульптур смерти много, очень много! Вот скрученное тельце мальчика, старательно прижимающего ручки к ротику, вот мужчина навеки зажал в руке монетки, две женщины обнялись в последний раз, гладиатор накрыл собой от смертельной опасности любимую (этих двоих нашли в школе гладиаторов). А в одном из богатых домов совсем ещё юная красавица навечно замерла с прижатой к лицу рукой, словно она прикрывала ею глаза. На руке золотой браслет с надписью: «*Dominus de Yitonia*» – «*Гедонии*⁵ от хозяина».

Глядя на них, ты чувствуешь весь ужас и беспомощность этих несчастных перед разбушевавшимся Везувием. Сердце сжимается, и к горлу подкатывает ком – рыдания душат, и

⁵ Гедония – от лат. *gedonismus* – наслаждение, в греческом *hedone* – удовольствие, тоска по наслаждениям, стремление к удовольствию.

ноги становятся ватными. И я мысленно обещаю им: «Обязательно напишу о вас, о вашей страшной гибели!», но вместо этого вечером воображение вдруг рисует совсем другие картинки, картинки их безмятежной жизни и счастливой любви...

Гедония

79 год. Помпеи

Гедония очень красива. Гордый профиль, цвет кожи матовый, бархатный, глаза большие, влажные, тёмные, словно крупные маслины, и румянец на щеках нежнейший, как у младенца. Она особенно очаровательна, когда медным обручем подхватывает белокурые волосы в высокую причёску. Ей не нужно подкрашивать их, как это делают знатные римские матроны, волосы у неё от природы светлы – это подарок её отца-германца. Гедония так восхитительна, что её мать постоянно молит богов только об одном: хорошей участи для дочери, только бы эта броская красота не навредила ей. Мать просит милости у всемогущих богов, потому как знает – нет ничего хуже их зависти! Красивая рабыня – жди беды!

Она и сама когда-то была красива, и красота не принесла ей счастья. Ещё ребёнком её продали римскому патрицию для телесных усад, а как исполнилось пятнадцать, он, посчитав её уже старухой, отправил в казармы при гладиаторской школе. Поначалу она гордилась своей судьбой – весь Рим любил гладиаторов, они – настоящие герои! Да только любовь гладиаторов оказалась ещё горше, чем похотливые игры старого сластолюбца! Он хотя бы не бил её. А гладиаторы знали – следующий бой может стать последним, а потому всю свою ненависть к жизни и всю злость они почему-то вы-

мещали на несчастных женщинах, кои им полагались в награду за одержанные сегодня победы.

В один из тёмных вечеров от белокурого гладиатора-германца она зачала ребенка. И чтобы её не отправили к повитухе, схитрила – упросила стражника выбить ей зубы. Лишилась зубов, но сохранила ребёнка, а возможно, и жизнь. Её вновь продали.

Новый хозяин – краснощёкий, лысый старик Сулла – не много дал за уже никчёмную рабыню. Отвёз ее к себе на виллу, что раскинулась в живописном месте под сенью Везувия. Здесь она родила девочку – Гедонию. Сулла же был не просто добр, он был столь великодушен, что позволил оставить ребенка, и пообещал никогда не разлучать и не продавать их по отдельности.

Казалось, всё складывалось хорошо, слишком хорошо, так, что временами забывалось – она всего лишь бесправная рабыня! Но искристая, вызывающая красота подрастающей дочери будила в ней тревогу, напоминая, что все несчастья ещё впереди...

23 августа 79 года, в день, когда Гедонии исполнилось пятнадцать, на виллу из Рима приехал Сулла. Он был мрачен, сидел с поникшей головой, ничего не ел и не пил, лишь беспокоился о каком-то госте, не появился ли?

Вдруг на глаза ему попала Гедония, она принесла вина в высоком сосуде и, наливая в золотую чашу хозяина, допустила страшную оплошность – пролила несколько капель

багрового напитка на мраморную столешницу. Тут же бросилась стирать капли, но было уже поздно: белоснежный, сияющий камень покрылся отвратительными багряными пятнами. Сулла подорвался, схватил её за волосы и в припадке старческой злобы, истошно крича, принялся избивать. Всё бы стерпела и приняла со смирением, не произнеся и слова, но Сулла кричал, что завтра же продаст её в лупанар или бросит, как когда-то мать, на потребу гладиаторам. Гедония взмолилась. Но её мольбы только подлили масла в огонь – старик рассвирепел еще больше. Он негодовал так, словно именно она была виновницей всех его проблем и, вероятно, несчастий. Неизвестно, чем бы это закончилось, если бы громкий голос стражника не оповестил, что наконец-то долгожданный гость прибыл.

Сулла бросился встречать его...

Величественный, надменный, лет тридцати, с пурпурными полосами на белоснежной тоге, поступью бога, степенно через атриум шел он – гость. Рабы низко склоняли головы, боясь даже посмотреть на него, они знали – это один из влиятельнейших помпейцев.

Сулла бросился навстречу с распростёртыми объятиями, чуть не упал, запутавшись в собственной тоге. А потом долго угодничал и о чём-то заискивающе просил. Даже умолял! Гость был непреклонен, стоял на своём. На приглашение отведать вина ответил резким отказом и уже твёрдым шагом направился обратно через атриум к выходу, как почти

у самых дверей, между колонн, пред ним предстала Гедония (она не успела склонить голову).

Гость остановился, поражённый красотой, вернее сказать, сражённый ею. И было чем! Гедония, освещённая настенными факелами, стояла, подобно богине, сошедшей с превосходных фресок за её спиной: разметавшиеся по плечам волосы и легчайшая туника подкрашивались всполохами огня, и вся девичья красота, озарённая светом, являла собой божественное совершенство.

Высокая грудь, тонкий стан, стройные ноги, волосы, что золотыми волнами разметались по плечам, и удивительной красоты глаза: тёмные, влажные, нежные. А в них искорки то ли от пламени факелов, то ли её внутреннего, но такого страстного огня! (Грудь под белоснежной туникой от волнения чуть вздымалась.)

Обескураженный гость медленно обернулся на Суллу с немим вопросом: кто это? И старый лис сразу понял, в чём его спасение. Он бросился вперёд, на ходу выкрикивая:

– Это Гедония! Моя рабыня! Самая красивая рабыня! Вот... только посмотрите на неё! – Сулла резким движением сорвал с плеча несчастной тунику...

Девичья грудь упруго дёрнулась и уставилась маленьким розовым соском прямо в лицо гостя. (Он сглотнул.) Гедония вспыхнула, опустила голову, если бы могла – сгорела бы от стыда; тихонько, неспешно ладошкой попыталась прикрыть белоснежную грудь. (Гость пожирал её глазами.) А Сулла

не унимался, с проворством городской крысы рванул пояс Гедонии, и туника лёгкими фалдами скользнула по стройной фигурке к её ногам. Теперь она прикрывала уже две груди и ещё больше склонила голову. (Взгляд гостя становился всё тяжелей.) Сулла шлёпнул по её бедрам (звонким эхом отозвался этот шлепок в чреслах гостя) и, резко подняв её подбородок, прокричал ей в лицо:

– Ну, милая, покажи нам личико! Какие у тебя зубки! А? Перламутр! Да убери ты руки! – и он силой оторвал их от груди сгорающей от стыда рабыни. – Покажи нам свою красоту!

При этих словах, словно осознав, что ничего уже не изменить, она – рабыня, а стыд – привилегия лишь свободного человека, и, что её судьба решается вот именно сейчас: или продадут этому господину, или отдадут на потребу гладиаторам, Гедония резко подняла голову, с вызовом глянула на стоящего перед ней гостя. Она смотрела на него так, как если бы Венера смотрела со своего постамента на ничтожных просителей, как если бы Елена, выходящая из пены морской, любовалась собой в лучах заката, зная, что она прекрасна! Смотрела на мужчину и чувствовала свою всё возрастающую силу над ним. Чувствовала, как в мужчине просыпается желание и как ему мучительно больно сейчас смотреть на её наготу.

Сулла не утихал, что-то тараторил, расхваливая все достоинства красавицы. Дёргал за розовые соски, проводил

заскорузлой рукой по девичьему стану и вдруг, проявив несвойственную старику прыть, присел подле стройных ножек Гедонии, развёл заскорузлыми старческими пальцами пухленькие губки несчастной и больно ущипнул её за клитор, показывая тем самым, что не было обрезания – рабыня растилась для сладострастия. (От неожиданности она сдавленно простонала, запрокидывая голову назад, гостя обдало холодным потом.) Старик уже гладил её стройные колени и крутые бёдра, вновь добирался до груди, больно сжимал их и всё нахваливал и нахваливал свой товар.

Правда, эти двое уже не слышали старика, между ними сейчас происходило необъяснимое, неподвластное ему... они были одни в бесконечном вихре...

Как долго это длилось, они не смогли бы сказать, они не отрывали глаз друг от друга, и уже были одним целым, одной пульсирующей точкой во Вселенной.

– Вы согласны? – заискивающе спросил Сулла. Ответа не последовало, тогда он ближе подкрался к гостю и, словно шакал, заглядывая ему в лицо, повторил более настойчиво: – Вы согласны?

Гость медленно перевёл на него затуманенный взгляд.

– Вы согласны на обмен: я вам Гедонию, а вы мне... – он не успел договорить, гость быстро кивнул.

Ночью в богатом доме гостя Гедония стояла вся с ног до головы усыпанная золотой пудрой... Восхитительное тело, покрытое золотом, в лунном свете приобрело божественную

красоту Венеры. Гедония уже не стыдилась наготы, а достойно принимала её!

Её привезли как дорогой трофеей, как величайшую ценность. Два евнуха омыли её в трёх водах и умастили тело превосходными маслами. Легчайший сладковатый запах масел дурманил, а сноровистые руки евнухов умело скользили по её телу. Руки евнухов скользили по стройным ногам, по ягодицам, заставляли Гедонию млеть, стонать, прогибаться в пояснице, и, не давая ей опомниться, они устремлялись туда, где разгорался чудесный жар... Едва прикасались и тут же устремлялись прочь, скользили по ногам, ягодицам и вновь слегка дотрагиваясь трепетными пальцами... Вырывали с губ Гедонии сладострастные вздохи... и вновь отступали. Но когда вздохи переросли в стоны, когда её дыхание сбилось и она уже извивалась в томной неге, евнухи вдруг отступили, накинув на её белоснежную спинку пурпурную тогу.

Она ужаснулась, неужели всё, и её оставят вот так, разгоряченную, страждущую ласк, сильных рук, страстно желающей мужчину, ждущую и изнаывающую! Она повернула голову и едва не взмолилась о помощи, как в конце огромной залы увидела его. Он был очень красив! Глаза большие, тёмные, в глазах играли огоньки – он смотрел на неё, губы чуть подёргивались в странной улыбке. Он ждал. Ждал чего-то именно от неё.

Гедония приподнялась, откинула тогу, что скрывала кра-

сивое и уже разгорячённое тело, и, подперев рукой хорошенькую головку, лукаво поманила его. Он не шевельнулся, лишь улыбнулся... Тогда Гедония медленно провела рукой по груди, словно проверяя, упруга ли она, красива ли, потом рука её скользнула по нежным изгибам и, задержавшись на животике, устремилась к белокурым, в легких завитках, волоскам...

Он подходит к ней как лев, замороженный добычей. Его взгляд приводит её в восторг, и она, трепеща, приподнимается к нему всё больше и больше...

...Он почти рядом, и она протягивает к нему руки, обхватывает его могучую шею, привлекает к себе...

Лишь под утро, когда на небосклоне только Венера осталась свидетельницей их любви, они затихли и забылись в счастливом сне.

А когда она, утомлённая любовью, проснулась далеко за полдень, на её руке красовался золотой браслет. Гедония обомлела от восторга. Лишь маленькая надпись на браслете кольнула сердце едким уколом. Надпись – всего ничего, но как горьки эти слова: *«Гедонии от хозяина»*.

Что ж, она должна знать своё место: она – рабыня, он – хозяин.

Но как прекрасны эти слова: *«Гедонии от хозяина»*! Он её хозяин! Она его рабыня!

Гедония в счастливой задумчивости, поглаживая золотой браслет, вышла на террасу... и едва не вскрикнула от ужа-

са... Везувий весь в клубах серого дыма! В высоте тёмного неба едва заметен солнечный диск, он с трудом пробивался сквозь чёрную пелену пепла...

Аврелия и Силадус

Ночь с 23 на 24 августа 79 года

Аврелия богата, молода и очень красива. Ночью её мучил безотчётный страх, он накатывался волной, заставляя трепетать всё её существо... «Я так волнуюсь, словно собираюсь сделать это впервые», – она прислушалась к звукам в соседней спальне, где мерно похрапывал муж.

Её муж – ланиста – владелец школы гладиаторов. Он стар, ему сорок, лысый, зубов почти нет, а самое главное – он уже давно не являлся ей истинным мужем. В Помпеях почему-то мужчины рано теряют мужскую силу. Поэтому Аврелия, как и многие другие матроны, искала утешения на могучей груди гладиатора...

Дождавшись полночи, Аврелия торопливо, как можно тише ступая, вышла из дома и уже почти прошла было через весь атриум, как вдруг взгляд её упал на фонтанчик с родниковой водой. Вот уже несколько дней воды в нём нет. Аврелия подошла, присела подле пустой мраморной чаши, задумалась. Днём рабыня принесла ужасную весть – городской акведук сух, ни одна из трёх добротных свинцовых труб не принесла сегодня в город ни капли воды! Что это? Почему? Шестнадцать лет назад, когда было землетрясение, город остался без воды – акведук был разрушен. Аврелии было всего четыре года, но она хорошо помнила, как мать поила

её дождевой водой из имплювия⁶. Но тогда было землетрясение, а что сейчас?! Сейчас почему нет воды?

Аврелия прислушалась: ночь тихая – ни пения птиц, ни дуновения ветерка, ни шороха листьев олив, даже собак не слышно, лишь изредка одинокая цикада выводила печальную трель, да и та почти стихла. Аврелия прошла по внутреннему дворику, с каждым шагом ощущая невероятное волнение. Что-то слишком тихо! Остановилась.

«Почему так тихо, необычно тихо, словно весь мир, застав дыхание, следит за мной, даже вода в имплювиях притихла, прислушивается...» Аврелия подняла тревожный взгляд – ни луны, ни звёзд...

– Наверное, будет гроза, – нашла она для себя успокаивающий ответ. – Это хорошо!

Накинула на голову покрывало и поспешила к воротам.

Аврелия не боялась, что пёс залает и перебудит всех в доме, вот уже несколько дней он так бесновался на привязи, что она сама вечером отпустила его побегать. И пес еще не вернулся, пропал.

– Пес, как и хозяйка, убежал из этого ужасного дома – улыбаясь, прошептала Аврелия и, стараясь держаться тёмной стороны улицы, устремилась к центру города, к школе гладиаторов.

«Быстрее к нему, быстрее! К моему Силадусу...»

Сегодня Силадус, её Силадус, тот, что вызывает востор-

⁶ Имплювий – бассейн для сбора дождевой воды.

женные вопли у почтенной публики и радостные крики и вожделенные вздохи всех женщин Помпей, вновь одержал великолепную победу. О нём говорят: «*Suspirum u decus puellaru*», – и даже пишут это на стенах, мол, вызывает вздохи и радостные крики девочек.

– Девочек! Ха! Пусть хоть одна из них приблизится к нему ближе чем на пять шагов! – Аврелия мстительно усмехнулась. – Нет! Он мой, только мой! Мой милый Силадус! Самый красивый, самый сильный и мужественный из всех гладиаторов Помпей! Он мой, только мой!

Она знала, муж болен, и болезнь давно разъедает его изнутри. По Римскому праву, она могла бы развестись с ним, но, зная мстительный характер мужа, боялась, что он будет преследовать её, подобно лемуру⁷, до конца её дней. А потому ждала, пока она станет единственной хозяйкой и дома, и школы гладиаторов. И тогда они будут вместе! Помпейцы не осудят её, слишком все любят гладиатора! Ему жителями Помпей уже несколько раз был дарован *рудис* – деревянный меч – в знак освобождения, но он каждый раз отказывался от него! (Почему он отказывался от милости народа, Аврелия лишь догадывалась.)

Вот она добралась до главных улиц, где даже в такую безлунную ночь царит оживление: пьяные моряки и грузчики слоняются, ища развлечений, а продажные женщины, завыв-

⁷ Лемурами римляне называли души умерших, не нашедших покоя в царстве мёртвых. По ночам лемуры возвращались и пугали людей.

вая, подобно волчицам, приглашают страждущих вкусить их любви. Аврелия ещё больше опустила покрывало на глаза и ускорила шаг.

Переходя улицу, она вдруг заметила, как тень на противоположной стороне, едва мелькнув в темноте, вновь прижалась к стене, замерла и была уже недвижима. Неужели за мной следят? Неужели муж? Аврелия было испугалась, но неожиданно едко усмехнулась:

– Следит? Он следит?! Я не получаю от него любви, но не ропщу, не поношу его имя, не вывешиваю на воротах знак, позорящий его достоинство! У меня над входом в дом красуется огромный фаллос, как и у тех матрон, что довольны своими мужьями! Так что ему ещё? Он должен понять и меня, и принять моё желание, мою тоску по наслаждениям, как неизбежное, если не в силах дать это сам – таково Римское право! Пусть следит!

И она с вызовом, даже сдёрнув покрывало с головы, вошла в школу гладиаторов.

– Пусть знает!

Сонный охранник, старый Маркус, получив от неё сестерций, провёл к камерке гладиатора, отворил массивный запор и, шамкая беззубым ртом, зашептал:

– После боя к нему... просились знатные матроны... даже жена... э-э... но тс-с-с... ведь сегодня такой бой был, такой бой, без права помилованья! Двадцать пар гладиаторов! Такой бой! – он приподнял скрюченный палец. – Но я знал, что

вы придёте, потому берёг его силы для вас, госпожа!

– Спасибо, Маркус, – Аврелия не удержалась и в благодарность, что он не впустил наглых соперниц к любимому, дала старику ещё сестерций. – Закрой засов, да смотри, не открывай нас, пока не позову!

– Хорошо, добрая госпожа! Хорошо! Я буду как собака у ваших дверей!

– Кстати, а почему я не видела у входа пса?

Она удивлённо вскинула красивые бровки.

– Да я и не знаю... – старик равнодушно пожал сухенькими плечиками. – Куда-то делся, уже дня два его не видать... убежал...

– Странно! И у меня пес куда-то... даже к кормежке не пришел...

Её сердце вновь кольнуло в плохом предчувствии, и мозг заволновался: что-то здесь не так!

Но плохое предчувствие не задержалось, лишь только Аврелия увидела любимого – голос разума отступил, сердце всколыхнулось, и она бросилась к нему в объятия, оставив разум на потом! (В ожидании счастья женщины беспечны!)

Аврелия, откинув всякие страхи и сомнения, вошла в камеру гладиатора...

Мягкий свет свечи скользит по стенам застенчиво, скользит по влюбленным и смущается ещё больше – их страсть, их танец любви тихий, трепетный, наполненный неспешным наслаждением.

Силадус так нежен! Нежен. Но в нём есть и напор, и дикий взгляд, и желание, желание самого сильного гладиатора. Аврелии хочется продлевать сладостные мгновения бесконечно, доводить себя до иступления, до стонов всего тела. Хочется его всего: от волос, пахнущих ареной, до пальцев, что, казалось, могут сжимать лишь тяжелый меч, но в его руках, в его сильных руках она чувствует себя пушинкой.

Он нежен до безумия, её безумия! Она уносится к божественным высотам, к богам! Свеча то меркнет, то загорается вновь, и светящейся нитью выводит Аврелию из чувственного лабиринта.

Пить! Ей хочется пить! Глоток воды... и глоток ему... и вновь страстные объятия...

Он ласково разворачивает её, покрывает поцелуями шею, волосы (она дрожит всем телом). Он целует её влажную спинку (она судорожно запрокидывает голову)...

Она покоряется его тёплым губам, ласковым рукам, в трепетном волнении еле сдерживая сладострастный крик...

В предрассветной дымке догорала свеча, а сквозь крошечное оконце под самым потолком пробивался едва уловимый свет. Они потерялись во времени. Вот уже застучали тяжёлые засовы – это из соседних каморок выводят гладиаторов на ежедневные занятия.

Старик Маркус принёс влюбленным еды, вина, хитро подмигнул им, шамкнул беззубым ртом, удалился, закрывая дверь за собой на тяжёлый засов.

Вновь крепкие объятия. И Силадус, как волк, ненасытен, и Аврелия подобно волчице, и всё в этом мире опять теряет смысл...

– Постой, любимый, – ладошкой она остановила его пыльные губы, – скоро ты станешь свободным! И тогда весь город узнает, как я люблю тебя!

– Не боишься?! Не боишься взять в мужа меня, галла?

– Нет, любимый, – она провела по его волосам. Они струились у нее в руках легкими волнами, как лён, – какие у тебя волосы!

– Не боишься? – удивленно повторил он.

– Нет! С тобой я ничего не боюсь! Даже зависти богов!

Страшным громом боги прервали её глупые речи! А потом подземный толчок, да такой, что тяжёлые потолочные балки в камерке заходили ходуном, казалось, что земля содрожалась от ужасающих рыданий. В полутёмной камерке стало ещё темней – свеча упала, и неожиданно одна из стен хрустнула, точно свежее испечённый хлеб – мелкие трещинки побежали по ней паутинками...

– Что это?! – Аврелия подскочила с ложа.

Силадус приподнялся, оперся на руку, вслушался, но там, за окном, через мгновение всё стихло...

– Сегодня будет большое представление, возможно, это у них... что-то, там, на арене... – спокойно опускаясь на ложе, сказал смелый гладиатор.

– Но трещины! Балки! Я слышала... – не унималась Авре-

лия, страх заполнял её сознание, и женская интуиция уже не засыпала.

– Не волнуйся, любимая! Когда идёт представление... слоны или ещё что... мало ли... там всякое бывает. Иди лучше ко мне, – он потянул её за руку, привлёк к себе и, целуя пальчики, зашептал: – Ты так красива! Твое тело... ты словно Венера! Пальчики нежные, как у ребёнка, а кожа! – он целовал её, и, чуть отстраняясь, любовался мгновение, а насладившись красотой, вновь покрывал поцелуями руки, шею. – Какая у тебя кожа! Мрамор... Венера...

Новый страшный толчок прервал этот сладостный бред. Балки над их головами охнули, с потолка посыпалась штукатурка... Трещины на стене стали огромными! Теперь они оба насторожённо вслушивались...

Гул нарастал... Странный гул, протяжный, тревожный. Стены дрожали... слюда в небольшом оконце под потолком лопнула и рассыпалась... С улицы доносились вопли и отчаянные крики о помощи.

– Что это?!

– Землетрясение!!!

Они бросились к двери, но массивная дверь была заперта.

– Открой! – в отчаянье заколотила кулачками Аврелия по тяжелой двери. – Открой, Маркус, слышишь меня? Открой!

– Эй, Маркус, старый пёс, открывай! – стукнул кулаком в дверь Силадус. – Выпусти госпожу!

Но каково было их удивление, когда вместо скрипучего

голоса Маркуса раздался властный голос её мужа!

– Что, ничтожная, испугалась? – выкрикнул он из-за закрытой двери. – Испугалась гнева богов, похотливая тварь! Точно Мессалина, натянула на голову покрывало и бегом – к кому! К ничтожному варвару! Галлу! Ты думала, я не узнаю? И стерплю? Нет! Я не император Клавдий, я не буду терпеть подобное! Тебе не знатной матроной быть, похотливая тварь, твоё место здесь! Вот и получай по заслугам! Ха-ха, боги слышали твои стенания! Останешься здесь! Навечно! Ха-ха!

Аврелию охватил ужас, слишком хорошо она знала его нрав.

– Прости меня! Прости! – взмолилась она. – Я плохая жена, но не оставляй меня здесь, прошу тебя! Открой засов! Пощади!

– Пощадить?! Ты просишь пощады у меня?! Нет! Проси милости у богов, может, сжалятся! А я не уйду отсюда, пока не увижу твоё мерзкое тело, разъедаемое червями, а если не издохнешь сама, то прикажу выставить тебя против двух секуторов⁸! Спроси своего галла, что они сделают с тобой под хохот толпы!

– Прошу тебя, открой, – шептала Аврелия, обливаясь слезами. – Прости меня! Прости...

Муж едко посмеивался над её слезами, что-то там шипел, выкрикивал, а она всё больше прислушивалась не к его го-

⁸ Секутор – гладиатор-преследователь.

лосу, а к тому, что происходило за стенами каморки со стороны улицы.

Всё наполнилось шумом, непонятным, неведомым, страшным! Аврелия подошла под оконце и от ужаса зажала рот руками... Что это? Душераздирающие вопли, треск падающих деревьев, скрежет балок над головой, а ещё... ещё что-то непонятное, жуткое, как шорох, словно кто-то невесомый ходил по крыше и мёл, мёл по ней железными прутиками... Что это?

Силадус подтянул сундук к оконцу и, дотянувшись до его нижнего края, выглянул... замер...

– Что?.. Что там? – Аврелия бросилась к нему, обняла его за ноги. – Что ты видишь?

– Я не знаю, – голос смелого гладиатора, самого сильно-го, был похож на голос ребёнка, что испугался в ночи лемура. – Там... там... я не знаю!.. Всё черно!.. Падает зола... Но это не зола! Это что-то другое... как дождь... только это не дождь... и не град!.. Это пепел!!!

Силадус сверху вниз посмотрел на любимую, страшная догадка промелькнула на его мертвецки бледном лице:

– Везувий!!! – прошептал он.

Аврелия в испуге закрыла лицо руками и заплакала.

– Я знала! Знала, боги накажут! Он прав: боги разгневаны на меня! О, как я не хочу умирать! Я так ещё молода! Я боюсь, боюсь!

Силадус склонился к ней, обнял, сжал её крепко, обхва-

тил ручищами и, целуя волосы любимой, забормотал, словно убаюкивая дитя:

– Не бойся, милая! Не бойся! Не бойся смерти! Ожидание смерти страшней самой смерти, я это знаю! Что она есть – всего лишь миг, и ты на пути в вечность. Не бойся! Это не страшно! Не бойся... не бойся... не бойся...

Голос его был спокоен и нежен, Аврелия затихала...

Шорох на крыше усиливался, превращаясь в стремительную барабанную дробь!..

Аврелия прижималась к нему, а он всё сильнее сжимал объятия...

– Не бойся, любимая, не бойся...

...Сверху рухнула тяжелая балка, погребя их под собой.

Какое-то время за дверью каморки корчился человек в предсмертных муках, ещё надеясь наказать влюбленных. В его воле – жить им или нет! В его воле – выставить её на посмешище толпы или пощадить! Но он опоздал – влюбленные вместе вошли в Вечность, а он?..

Он одинок и ничтожен – он давно мёртв!

Ненависть убивает человека быстрее, чем меч секутора или гнев богов!

Романский стиль

Что можно сказать о *романском стиле*? Прежде всего то, что многие из нас путают *романский* и *римский стили*. Термин «романский стиль» появился в начале XIX века, когда археологи установили некую связь в строениях раннего Средневековья с древнеримскими постройками. Многие средневековые дома попросту базировались на древнеримских фундаментах. А также в этот период в строительстве использовали полуциркульные арки и своды, как это делалось в античном Риме.

Если заказчик заказывает тебе дом в романском стиле, но при этом говорит, что всё должно быть дорого: в золоте, в мраморе, в багровых тонах – это значит, он спит и видит себя Цезарем, и ему нужен не романский стиль, а римский! А если он настаивает на римском стиле, а сам мечтает о массивном замке с узкими бойницами вместо окон и перекинутом через речку-вонючку подвесном мостике, и в каждом углу по ржавому рыцарю, то рисуй ему романский стиль. И попадёшь в точку!

Для меня романский стиль скучен и даже угрюм! Здания смотрятся тяжело, грубо и незамысловато.

В исторический отрезок раннего Средневековья (тот, что приписывается романскому стилю) архитектурная мысль как бы замедляется, останавливаясь в поступательном дви-

жении вперёд, и не просто останавливается, а в некоторых странах Европы даже делает шаги назад. Основой романских построек были массивные цилиндрические дома, выполненные из грубого камня, похожие на бочки – *донжоны*, а уж вокруг них строилось все остальное.

В более поздний период в архитектуре появится ряд конструктивных моментов, например, косая балка – камни, распирающие свод, – это впоследствии будут использовать при строительстве готических соборов, но в целом надо сказать, что европейские города этого периода приземисты и неказисты. Колонны, теряя прежнее очарование и идеальные пропорции, становятся приземлёнными, у них единственная функция – поддерживать возложенную на них тяжесть здания.

И главное – храмы возводились без каких-либо излишеств. Храмы и все постройки во времена междоусобиц прежде всего должны были защищать население от вражеских набегов, а потому только массивные стены, узкие окна-бойницы, высокие сторожевые башни, рвы с водой. Храмы – крепости, замки – крепости.

В это время и скульптура претерпевает разительные изменения. Если в античных скульптурах человек – венец Божественного творения, то романские изваяния олицетворяют лишь самого Бога. И если античные боги наполнены жизнью, движением, то романские скульптуры – благостны и тихи, на лицах лежит великая скорбь, от созерцания которой стано-

вится тяжело на душе... Вот как-то давит оно на меня, это средневековое творчество!

Как тяжесть романского собора угнетает всё пространство, так и любовь – обычная человеческая между мужчиной и женщиной – в это время угнетается церковью и приобретает низменный оттенок. Даже сильно сосредоточившись, я не могу нарисовать картину красивых любовных историй. Если в древней Греции или Риме любви, плотским утехам и различным наслаждением придавалось огромное значение, даже был термин *гедонизм* – стремление к наслаждению, то в раннем Средневековье любовь вдруг стала делом постыдным, никчёмным, разве что для продолжения рода. А женщина? Женщина – воплощение греха!

Напрягая мозг до полного закипания, пытаюсь вспомнить хоть одну счастливую пару того времени. Но! Тристан и Изольда – собирательный образ несчастных влюбленных, Элоиза и Абеляр – пример вообще ужасный – за любовь мужчина поплатился своим достоинством – его оскотил то ли дядя, то ли отец Элоизы. Ужасная история!

Вот никак не возникают у меня образы влюблённых пар... перед глазами только рыцари в ржавых доспехах, что усталой вереницей бредут под раскалённым солнцем спасать Гроб Господень...

Невеста рыцаря

920 или 1120 год, да кто помнит-то? Тёмное Средневековье, одним словом!

По длинным коридорам замка сновали многочисленные слуги. В центре большой залы расставляли дубовые столы и скамьи, под самыми сводами натягивали праздничные шпалеры, полы натирали до блеска, с витражей снимали паутину и копоть, повара несли огромные корзины со съестным. За всей этой суматохой с серых стен наблюдали надменные лица предков в тяжелых рамах, и только старый пёс у самого очага, безразлично посматривая на всех, чесал то бок, то выю.

Завтра стены замка наполнятся торжественными звуками – завтра свадьба юной дочери герцога. Её возлюбленный – из знатного рода, красив, статен, ему всего семнадцать. Родители молодых рады скрепить любовь своих детей союзом (и, конечно же, объединить тем самым свои владения и стать пусть немного, но сильнее соседей).

Вот уже к вечерней трапезе собираются гости, замок наполняется радостью – в ожидании праздника все веселы, говорливы, нахваливают невесту, ее богатое приданое, дорогие подарки жениха и счастливое будущее новобрачных.

А счастливые молодые, как два голубка, ворковали, совершенно не замечая никого вокруг. Он, преклонив колено,

подарил любимой дивную розу. Она зарделась. Он неловко коснулся её руки... и оба покраснели до корней волос. Опустили головы и, хоть не касались друг друга, но так близко были они, что казалось, слились в одном кружении солнечного вихря и уже неслись навстречу своему счастью...

И вечерняя трапеза была превосходна: одно блюдо сменяло другое, собаки не успевали слизывать остатки пищи с тарелок хозяев, как несли уже новое кушанье, молодое вино лилось рекой, и всех гостей удивляли диковинные заморские фрукты.

А после под ласкающие звуки флейт были неспешные танцы. Первой парой жених и невеста. Она очаровательна: тонка, хрупка, застенчива, глаза не поднимала, румянец играл на нежной коже, лишь он один предательски выдавал её радость.

Вдруг, гулко ударяя о каменный пол крючковатым посохом, в грязном рубище, с котомкой за плечами и деревянным распятием на груди, в праздничную залу вошёл босой старик. Лицо его было иссушено ветрами и знойным солнцем, волосы серы, как мартовский талый снег, но чёрная борода да острый взгляд сразу выдавали в нём человека ещё не старого, но много, очень много повидавшего.

Он вошёл и, стукнув посохом об пол, призвал:

– Христиане! Время ли вам танцевать и праздновать, когда Гроб Господень находится в руках поганых сарацин?!

Вмиг всё стихло, гости замерли, словно поражённые гро-

мом небесным. Лишь влюбленные шептались в сторонке и украдкой, неловко, едва касались друг друга. О, разве есть что-то важнее их любви! Разве нужен им кто-то ещё! Они даже и не заметили грозного странника... и не услышали его призыв...

Спустя годы невеста будет вспоминать те мгновения, когда они с возлюбленным могли не видеть и не слышать других, словно были под крылом у ангела, словно он оберегал их от всех житейских невзгод. И долгими вечерами со жгучей болью в сердце она будет вспоминать тот день, когда могла взять любимого за руку и увести от всех в тёмную ночь, и остаться с ним наедине. (От этих мыслей кровь прилиwała к голове, она вспыхивала и журила себя за непристойность, но со временем осталась лишь горечь несбывшейся мечты.) Это потом она будет вспоминать счастливые минуты, когда они могли не слышать слов странника, а слышать только биение собственных сердец, а сейчас... Ах, если бы тогда она могла увести его в покой и наслаждаться любовью, забыв обо всём на свете, то всё бы в жизни сложилось иначе!

А тогда...

...Тогда в вечерней мгле, притушив факелы, только под тусклым мерцанием свечей, все, затаив дыхание, внимали *жестам*⁹ о доблести и мужестве рыцарей-крестоносцев. И невеста слушала с восхищением странника, но робко, украд-

⁹ «Жесты» – Chansons de gestes – героические поэмы о деяниях рыцарей-крестоносцев.

кой посматривала на любимого, и застенчивой улыбкой отвечала на его влюбленный взгляд, и приходила в восторг от той незримой связи, что была между ними. Она бы отказалась от всего, лишь бы убежать с ним от всех, лишь бы он держал её за руку и смотрел бы вот так, как сейчас!

Но странник всё продолжал рассказы о сражениях с подлыми сарацинами, и невеста заметила, что в глазах возлюбленного вдруг вспыхнул совсем иной, безрассудный огонь! А когда странник поведал о несметных сокровищах далёких стран, любимый так заслушался, что и вовсе перестал смотреть на неё. Сердце девушки опечалилось, губки поджала, от обиды и ревности всплакнула бы, но так интересно было все то, о чём вещал незнакомец, что невеста сама заслушалась...

...Слушала, слушала, да и заснула, склонив голову на плечо отца, а утром...

А утром, лишь только забрезжил рассвет, замок наполнился странными звуками, звуками не радостных, свадебных приготовлений, нет! Что-то другое, жёсткое слышалось повсюду. Крики другие, гомон другой: лязганье доспехов, ржание лошадей, надрывный лай обеспокоенных собак.

Невеста выглянула в распахнутое оконце и оцепенела: её жених верхом на коне в сверкающих рыцарских доспехах что-то кричал, размахивая длинным древком знамени, на котором красовался его фамильный герб. Глаза возлюбленного горели безумным огнём. Заметив в окне невесту, он радостно прокричал ей:

– Любимая, я ухожу воевать за Гроб Господень!

Ничего не ответила невеста, лишь вскрикнув, маленькой ладошкой прикрыла ротик, и в смятение, не заплетённая, в одной сорочке побежала к нему, как если бы была птицей. Она бежала, боясь, что пока будет бежать длинными, гулками галереями замка, он устремится прочь спасти мир, и она никогда, никогда больше не увидит любимого!

– Как же!.. Как же я? – сквозь слёзы пролепетала несчастная невеста.

– А ты? Ты будешь ждать меня, любимая! – радостно прокричал юный рыцарь, и конь, подзадоренный настроением хозяина, кружился, пританцовывая на месте. – Я вернусь с победой!

Сердце зашло. Не смогла вымолвить и слова: рыдания душили, ком из крика обречённости сдавил горло.

– Как ждать?! Я не хочу ждать! Я люблю тебя! Я хочу быть твоей женой, хочу родить тебе сына! – взмолилась невеста, протягивая к нему руки, уже не стыдясь своей любви и своего отчаянья. – Как же... как же так? А наша свадьба?

– Да-да, конечно, ты родишь мне сына, но сначала я... – и он, мальчишка, красноречиво махнул мечом. – Я изрублю всех, всех сарацин!

– Возлюбленный мой! – молила, отчаянно хватая за поводья, юная невеста. – Не уходи! Прошу тебя!..

Но не слышал её слов рыцарь! Безрассудно был весел и горд собой: он выбрал подвиг и славу во Христе, он тот, пред

кем лежат невиданные земли и сказочные сокровища, он тот, кто прославит свой род...

По скрипучему, перекинутому через глубокий ров мосту с бравой песней уходил отряд крестоносцев, новенькие доспехи сверкали на солнце, стяги развевались на ветру, и казалось, весь мир сейчас уходил вместе с рыцарями сражаться за Гроб Господень. Женщины обливались слезами. Лишь странник стоял с высоко поднятой головой и вслед новоявленным крестоносцам потрясал посохом:

– В Иерусалим! В Иерусалим!

Но едва рыцари скрылись из виду за дальними холмами, он повернулся к плачущим женщинам и ехидно сказал: – Вот так и меня послали спасать Гроб Господень... речи крестоносцев... двадцать лет назад!

– Как двадцать лет?! – Невеста рванулась было вперёд догнать любимого и остановить его. – Как двадцать лет! Нет!

– Нет! – криком наполнилась долина. – Нет! – кричала вчера ещё беспечная юная невеста, а сегодня уже горькая вдовица. Да разве она вдова? О, нет! Нужно ждать... он вернётся! Вернётся очень скоро! Обязательно вернётся, не пройдёт и года...

...Сначала прошло пять лет – невеста расцвела, похорошела, стан округлился, девичья угловатость сменилась нежными формами. Много приходило рыцарей свататься к богатой красавице. Она всем отказывала – она ждала своего рыцаря! Каждое утро она поднималась на башню и всматрива-

лась в дальние холмы, что когда-то скрыли от неё любимого.

Затем прошло ещё десять. Румянец на щеках померк, волосы потускнели и утратили шелковистость, и хотя фигура сохраняла некую статность, но взгляд от выплаканных слёз и ожидания стал жёстким, глаза потускнели, лицо осунулось, заострилось, и в нём не осталось прежней красоты. С каждым годом всё меньше женихов заглядывало в замок к престарелой невесте – её уже сторонились.

И ещё десять лет пролетели как один день, а она всё продолжала ждать своего рыцаря. Ждала любимого! Зубы почернели, кожа огрубела, на лбу пролегли глубокие морщины, чёрные волосы стали как пена морская, но всякий день она поднималась на башню, да только уже и не видела тех далеких холмов...

Следующие двадцать лет пролетели будто один день. Невеста рыцаря уже немощная, дряхлая старуха, для которой каждая ступенька в башне была почти непреодолимой, но она поднималась в башню ежедневно, а порой и засыпала у открытого окна, словно и днём, и ночью вглядывалась в потускневшую даль – она ждала. Ждала любимого!

Старый замок, зарастающий диким лесом, люди обходили стороной, а со временем появилось сказание о неприкаянной душе несчастной невесты, что уже сотни лет ждёт возвращения любимого и мстит всякому, кто отважится проехать мимо замка.

Мечь

Год так 2000 или 2020, нет разницы! Для замка, простоявшего полторы тысячи лет, десятилетия разве имеют значение? Разве это срок? Это всего лишь краткий миг!

В фамильном замке N впервые за долгие годы царит оживление. Надин – владелица средневекового замка решила отметить здесь свой двадцатый день рождения.

Надин и её друзья, оставив пыльный Париж, на спортивных машинах шумно проехали по мощёной дороге, ведущей к замку, по массивному мосту через ров и, шурша шинами, ворвались во двор, усыпанный каменной крошкой.

Надин – хорошенькая, весёлая, с невероятно горделивым профилем. Большие голубые глаза и стройная фигура – вот и всё её богатство, правда, если не считать замка, который, возможно, для неё больше тяжкое бремя, чем достояние. Содержать этакое средневековое сокровище в наше-то время непомерно дорого! Но отец говорил ей, что замок – это семейная реликвия, историческая ценность, родовое гнездо, на что Надин лишь пожимала плечами, мол, гнездо так гнездо.

Тем более что Надин умиляла легенда – в замке живет призрак. Трогательная история. Рыцарь ушёл в крестовый поход, а возлюбленная осталась ждать его, но не дождалась – рыцарь погиб в борьбе с сарацинами за Гроб Господень. А

неприкаянный дух невесты до сих пор блуждает по гулким лабиринтам замка и ищет любимого.

Спутник Надин – Андре под стать ей, с фигурой и лицом Аполлона, с пышной шевелюрой золотистых в лёгких завитках волос, само очарование. Они познакомились недавно на лекциях в Сорбонне, и каждый надеялся, что сегодняшней вечер будет иметь романтическое продолжение.

Подруги Надин – Мари и Люси – само совершенство: пышногрудые, статные, с мягкими линиями и красивыми изгибами. (Мужчины, даже слабо видящие, видя их, млели.)

Друзья девушек – Жан и Рауль – красавцы – горы мышц и минимум интеллекта.

На этом празднике красивых тел каким-то неведомым образом затесались двое: Сусанна и поляк Патрик – два гадких утёнка в стае прекрасных лебедей. Сусанна – худая до тошноты, с маленькими бегающими глазками и выдающейся вперёд челюстью. Вдобавок она ужасно картавит и шепелявит. Патрик – сутулый, худой, с неразвитыми плечами. Его близорукость, вероятно, позволяла видеть в Сусанне красавицу (это же спасало её от полного одиночества).

Замок сразу ожил – зазвенел весельем. Весь вечер гости пили, ели, танцевали, болтали, играли в карты, к одиннадцати парочками разбрелись по укромным местечкам...

В огромном зале со сводчатым потолком и витражными окнами Патрик, Сусанна и карлик-слуга играли в «Баккара» на раздевание. Сусанна проигрывала – она уже сидела в од-

них чулочках, трусиках и бюстье (хотя зачем оно там нужно, непонятно).

Карлик, как хищный зверек, поглядывал на Сусанну. Он, как никто другой, был восприимчив к женской красоте, он боготворил красоту, восторгался ею, как чем-то недостижимым. Но Сусанна вызывала у него совершенно другие чувства – отвращения и гадливости. Он ненавидел её. Почему? Да потому что она страшная, шепелявая, худая, и её тело не было так притягательно, как роскошные тела Люси и Мари. Для карлика эти двое были воплощением *неземного счастья и необузданного желания обладания ими*. Но ему никогда не видеть их! И от этого он приходил в ярость и зло смотрел на Сусанну.

Карлика до глубины души задело, как по приезде Мари потрепала его по курчавой голове и небрежно бросила: «Как твоё имя, малютка?» Но, не удосужившись даже выслушать ответ зардевшегося от волнения карлика, направилась к Раулю и повисла у того на шее. Карлик зашёлся от злости и ненависти к Раулю, который вот так легко отвоёвывал у него внимание красавицы. Рауль обхватил Мари, она игриво хихикнула. А сердце карлика наполнилось ядом: Раулю такие женщины, как Мари, дарят любовь безотказно, им не нужно очаровывать и завоевывать красавиц.

«Если бы не её челюсть! – думал карлик, косясь на Сусанну, которая уже снимала бюстье. – А грудка ничего, хоть и маленькая. Но челюсть же у неё... челюсть!»

Как затравленный зверёк, чувствующий близкую развязку событий, он потел, сопел и бешено крутил глазками то на Сусанну, то на Патрика, словно проверяя его способность дать ему отпор.

Дать отпор Патрик уже не мог – он едва держался вертикально, постоянно заваливался на бок и пытался улечься на коленях у Сусанны. Та гневно возвращала его обратно, заставляя играть. Она бы играла до утра, лишь бы не оставаться с Патриком наедине – не хотела его. (Вот так! И такое бывает! Даже у дурнушек есть «хочу» и «не хочу»!) Она весь вечер сверлила глазами Жана, его спину, затылок. Рисовала в возбужденном мозгу себя в его ручищах и покусывала от ревности губы – Жан не отходил от красавицы Люси.

К тому моменту, как Сусанна осталась в одних чулочках и боролась за трусики, объект её вожделения Жан отправился с Люси за очередной бутылкой вина в погреб...

Жан и Люси

Они спускались по винтовой, словно вырубленной в каменной кладке, узкой лестнице. Если изящная Люси свободно проходила здесь, то Жану с плечами штангиста приходилось буквально протискиваться (идти боком).

С каждым поворотом становилось всё холодней, и усиливался затхлый запах плесени...

Через пару поворотов Жан и Люси оказались перед мас-

сивной, почерневшей от времени дубовой дверью с огромной ржавой скобой. Жан собрался с силами, навалился, но дверь неожиданно легко, без скрипа поддалась – открылась.

Высоко приподняв над головой фонарик, немного помедлив, он шагнул в подземелье. Осмотрелся – низкий, влажный от сырости сводчатый потолок, каменные плиты вместо пола, и стенная кладка из небольших валунов.

– Смотри, а Надин сказала правду – замок действительно очень старый!

– Похоже, эти каменюки еще от римских построек!

– Ого! Подвал какой огромный! Ты видишь? – Жан осветил в темноту подвала. – Всюду двери... двери... двери...

Подвал был огромный, и каждый шаг и малейший шорох отзывались в нём гулким эхом. Вдоль стен стояли бочки с вином, по центру стойки с пыльными бутылками. В центре дубовый стол, возле него две массивные скамьи, у стен несколько полок с деревянными мисками и глиняными кувшинами, и все это давно заросло серыми клочьями паутины. Настоящий средневековый подвал!

В углу, прислонённые к каменной кладке, лежали ржавые, затянутые паутиной доспехи рыцаря. Со шлема свисало погнутое забрало, держась лишь на одной позеленевшей заклёпке. Правой перчатки не было вовсе, а левая валялась у ног рыцаря.

– Доспехи рыцаря! Рыцарь, тот самый рыцарь!.. – захлопала в ладоши Люси.

– Какой?

– Надин рассказывала печальную историю о рыцаре и его невесте.

– Так тот ушел! А этот, скорее всего, другой... заехал к красотке, да так хорошо заехал, что здесь и остался! – загоготал Жан.

Ему жутковато завторило эхо. Люси вздрогнула.

– Мне кажется, что эти стены хранят страшные тайны! – прошептала Люси, широко раскрывая и без того огромные глаза.

– Ещё какие! – потянул Жан, заглядывая в пустое забрало рыцаря, и, выдержав в гнетущей тишине долгую паузу, мрачно прошептал: – И к этим ужасным тайнам прибавится ещё одна!..

Он повернулся и, глядя на нее, яростно сорвал с себя рубашку, расставил ручищи, сверкнул во мраке влажным глазом и задышал прерывисто... Он смотрел на неё как-то уж очень дико и яростно... Люси радостно взвизгнула. А Жан, схватив ее, сдавил в объятиях и поволок вглубь подвала, смёл с пыльного стола всё, что на нём находилось, бросил на него Люси, и, рыча, как дикое животное, принялся сдирать с нее одежду...

О, это было дикое, дикое животное! Не успела она даже охнуть, как он с рыком вошёл в неё... Она зацарапала ногтями его влажную спину, оставляя на ней красные полоски. Мурлыкала, рычала, как львица. А он, подхватывая ее

мурчание рыком льва, доводил её до сладострастных обмороков. Люси извивалась, замирала, смеялась от счастья! Эхо тоже веселилось! И всё поглощающий жар разливался по их телам...

Сладостные стоны переходят в рев и возвращаются страшным эхом – дрожат стойки с шампанским, дрожат бутылки, и подвал наполняется всё нарастающим гулом... Стоны влюбленных сливаются в сладострастном крике, и эти звуки уже подхватываются и усиливаются мощным эхом – весь подвал сотрясают звуки страсти, вековое шампанское не выдерживает – и взрывается салютом... пш-ш-ш-ш!..

Сусанна

Сусанна проиграла и трусики! Пришлось снимать. А этого, как думается, ей делать не хотелось, к тому же к одной беде добавилась другая. Она чувствовала, как карлик похотливо сверлил её глазами. (Но женщин понять сложно! Очень сложно! Логика в поступках отсутствует!) Сусанна долго не решалась... но вдруг, привстав с дивана, она стала нарочито медленно снимать трусики... Вероятно, чтобы самой насладиться необычным зрелищем – карлик млел от её наготы.

Сусанне не хотелось быть с Патриком. С ним бы она не вкусила страсти – он был мертвецки пьян. Жан пропал с Люси, похоронив тем самым её розовые мечты о счастье. А тело требовало!

– А что? Это как-то даже интересно, экзотично! – мелькнуло в её возбуждённом мозгу.

И Сусанна, смотря на карлика как удав на кролика, медленно провела по себе рукой, направляясь все ниже... и ниже... Карлик не выдержал – зажмурился, сдавленно простонал...

– Ну... – требовательно пригласила она.

Но, наверное, это приглашение уже было излишним – карлик полз к ней на коленях, глотая вожаделенные слюни и протягивая к Сусанне маленькие ручки...

Мари и Рауль

Мари и Рауль, побродив по замку, наткнулись на великолепную спальню, с фресками и картинами, с огромной кроватью под тяжелым пыльным балдахином.

Старинная кровать со скрипами и вздохами приняла молодые тела, а потом долго ещё скрипела под ними...

– На этом ложе рождались и умирали родственники Надин, – романтично произнесла Мари, смотря на Рауля, как он прикуривает сигарету.

– Спали они здесь с разными проходимцами и куртизанками, – буркнул Рауль.

– Ну почему ты всегда думаешь плохо! Женщина, что спала здесь, наверняка прожила долгую и праведную жизнь.

– Да-да, конечно! Вот как раз у этой старушенции была

масса пороков! Не удивлюсь, если она страдала фетишизмом и всякими там извращениями!

– Рауль, ну что ты такое говоришь? – жеманно возмутилась Мари. – Какой фетишизм?! Бабушка!..

– Бабушка?! Там, за пологом, есть потайная дверь, а глаза у картины, что над тобой, бегают! – Рауль зло кивнул на картину за спиной Мари – «Мадонна с младенцем».

Мари оглянулась.

– Как бегают?!

Нарисованные глаза Мадонны были полны вселенской скорби.

– Пока мы с тобой кувыркались, я всё смотрел на неё, а она с любопытством смотрела на меня! И даже пару раз моргнула!

– Рауль, не пугай меня! – надула губы Мари. – Мне и так страшно в этом замке! Здесь все так серо, мрачно! Зачем я только согласилась сюда ехать?

– Я не пугаю! Просто говорю, что видел, но, возможно, это мне показалось, – безразлично произнёс он, почёсывая свою волосатую грудь.

– Конечно, показалось! Придумываешь! – Мари, повеселев, игриво хлопнула его ладошкой. – Вместо Мадонны оценил бы лучше меня!

Она подорвалась и в мгновение оказалась у окна.

– Посмотри, как я хороша! Разве не на что смотреть? – рекламно произнесла она, проводя пальчиками по крутым

бокам и игриво притопнув ножкой. – А? И как?

А посмотреть было на что! Ее тело – это тело красавиц с картин Ренуара. В свете луны, что пробивалась сквозь резное окно, кожа её приобрела перламутровый оттенок, большая грудь без лифа вольно колыхалась и при каждом движении тяжело покачивалась, темнели два больших соска.

Ладони Рауля зачесались.

– Моё, крошка, не хуже! – словно под гипнозом, не отрывая от неё восхищённого взгляда, он медленно подошел к ней.

Его руки заскользили по мрамору её тела, задержались на груди... Её грудь не вмещалась в ладони и, словно тесто, вытекала сквозь его пальцы, а он снова возвращал её на место, сдавливая и стискивая. Это была борьба, и побеждала она (грудь).

Мари снисходительно улыбается – ждёт, недолго, но ждёт, пока он наиграется.

– Милый, я, конечно, понимаю, что тебе нравится баловаться, но тебе стоит заняться мной.

Ему не надо повторять, он разворачивает Мари лицом к кровати, к Мадонне... и...

...И Мари верещит, как ошпаренная – глаза Мадонны моргнули... и закрылись!

Карлик

Сусанна уже и не думала о Жане, и о Патрике как-то забылось... Напрасно! Что бы он мог сделать сейчас, когда ей так хорошо! Патрик где-то рядом, наверное, спит. Не спал! Вытаращив глаза и полностью отрезвев, не в силах был произнести и слова... Патрик таращился на свою Сусанну и карлика.

И более отвратительного зрелища ему не приходилось видеть: два тела суетливо сплелись каким-то невообразимым способом: где головы, ноги, руки – какое-то чудовище, стоющее и визжащее. Сусанна, запрокинув голову, издавала сладострастные стоны и руками удерживала на своём теле карлика, а он, подобно вампиру вцепился в нее зубами. Омерзительно! Но... Это столь неэстетичное зрелище заставило Патрика почувствовать дикий приступ желания.

– Уйди! – Патрик рывком стаскивает с Сусанны карлика.

И яростно набрасывается на неё. Она его не чувствует – Патрик, как мотылёк, порхает над цветком, оказавшимся слишком большим для него.

«Почему такое чувство пустоты?» – Сусанна смотрит на карлика, и ей жаль его, он так старался доставить ей удовольствие, как никто раньше.

– Иди сюда, – шепчет она и протягивает к нему обессиленную руку. Он подходит, нет, не подходит, подползает на

четвереньках. Она, закрыв глаза, целует его, пусть маленького, неказистого, но все же мужчину!

Патрик трудился в титанических усилиях удовлетворения, а Сусанна?.. А её нежность была направлена на «большого мужчину».

Патрик от бессилия, от ревности, ударил Сусанну и, грязно выругавшись, убежал во тьму длинных и глухих коридоров замка...

Надин и Андре

Надин щебетала и порхала. Ей так нравился Андре, что, казалось, она исполнит любую его просьбу от самой невинной до абсурдной. Только бы он хотел этого, думала она, поглядывая на его шею, плечи, губы. «Он так красив! Я умираю от одного его вида! Как он дышит, словно раздуваются гигантские меха! Как он красив! Как красив!»

Андре заметил её взгляд и, почему-то смутившись, покраснел.

– Боже, да он же девственник! – Надин мысленно рассмеялась.

«Ну, держись! Я научу тебя любить!» – подумала она, чувствуя теперь своё превосходство над ним. А надо сказать, что женщины так же, как и мужчины, любят девственность – первозданную чистоту. Хотя к женскому эго «я первая» пришивается ещё и желание научить несмышлёныша любви.

«Я научу тебя любви!» – ласково поглядывает на него Надин, проигрывая, где же это должно свершиться.

Пока они гуляли по замку, в её хорошенькой головке вертелись мысли одна забавней другой: «Можно в ванной, крикну, позову, а сама буду в пене... Нет! Пошло! Тогда... Можно в спальне... фи, старо, как мир! Можно на отцовском столе?.. Грубо! На винтовой лестнице? Там так романтично – в узкие бойницы заглянет луна, душа невесты растрогается и всплакнёт, видя нашу любовь. Красиво!.. Но там для него негде развернуться! Боже, да где же?»

И не придумав ничего интересного, она вдруг просто поделилась с Андре тайной:

– Знаешь, в нашем замке живет призрак! Самое настоящее привидение – невеста рыцаря!

– Да? – недоверчиво покосился на нее Андре.

– А еще в замке есть потайные ходы! Не веришь?.. – и она, схватив его тёплую большую ладонь, увлекла за собой.

Сначала, то, куда они попали, было как небольшая комната без окон, но затем пространство сузилось до узкого тёмного хода. Надин и Андре уже прошли несколько поворотов в темноте, когда в отдалении послышались приглушенные голоса...

– Ага! А вот и первый секрет! Сейчас мы посмотрим, кто у нас здесь? – весело прошептала Надин, и каким-то только ей ведомым способом открыла две дырочки в стене.

В темноту лабиринта сразу брызнули яркие лучи...

Надин прильнула к этим лучам света – на кровати под высоким балдахином кувыркались Мари и Рауль. Надин засмотрелась. «И как я раньше не заметила у него такой прити? – подумала она, залюбовавшись тем, как Рауль искусно владел телом Мари. – А она красива...»

Надин провела рукой по стене – окна в чужую страсть исчезли, как и не было...

– Там... так... ничего интересного! Кухарка... – солгала она. – Идём!

Шли молча. Удушающая тишина. Казалось, что они слышат сердца друг друга. Андре немного побаивался. Ему было жутковато – старый замок с привидениями, потайными ходами, скрытыми глазницами, потеряйся здесь в этом лабиринте – и тебя никто не найдёт. Он старался не отставать от Надин, и в крошечной тьме шёл за ней шаг в шаг, и дышал ей в затылок.

Она чувствовала его дыхание, и это её волновало – его прерывистое дыхание попадало ей то на шею, то на ухо, то на ухо, то шея. То ухо, то шея... И морозец бежал по ее спине. Желание росло с каждым прикосновением его теплого прерывистого дыхания. Она чувствовала, как морозец и мурашки на её теле превращаются в монстров, разрывающих её тело неудержимым желанием – то они растворялись в ней, то начинали мягко вгрызаться в поясницу... Ноги в истоме подкашивались, проходило мгновение – и становилось легче, но новая волна прерывистого дыхания любимого повто-

ряла всё сначала с нарастающей силой. От каждого шага становилось всё тяжелей и сладостней...

А он все шёл и шёл за ней молча... И Надин стала злиться на этого девственника, что даже и представить не мог, какой ураган страсти бушует в её теле. Она уже подумала, что лучше быть в руках умелого мастера, чем изнывать от неги и тоски с ничего не понимающим истуканом. Ужасно! Ужасно осознавать, что желание и страстность никем не будут оценены, а красивое тело цветёт напрасно и напрасно источает соки жизни!

Надин взгрустнула, но через секунду вновь восторженно вскрикнула. «Он же девственник! Он ничего не понимает! Он не знает об этом!» Она резко остановилась. Андре в темноте налетел на неё... Привстав на носочки, Надин обхватила Андре за шею, чуть склонила к себе и, по наитию найдя губами его губы, прикинула к ним... И сладостная истома по всему телу... монстры в теле оживились, ноги подкосились – Надин в восторге от поцелуя – девственного, чистого поцелуя!

Она опускается на пол, тянет его за собой. И они во тьме, как арабы, друг против друга... сидят и просто целуются. Он пытается повалить её навзничь, но Надин понимает, что его первый раз не должен быть таким – в крошечной тьме сырого лабиринта. Его первый раз должен быть красивым!

– Нет, подожди, подожди, подожди... – шепчет она и пытается вырваться из его объятий, а он, словно его хотят обмануть, крепче обнимает её. – Идём скорей, здесь два шага!

Идём же...

Карлик и Патрик

Замок затихал, погружаясь в тишину, лишь изредка поскрипывали старые половицы, словно кто-то невидимый ходил по ним. Скрип... скрип... а потом опять всё замирало и было тихо... тихо... злоеще тихо!

Карлик сидел на полу, обхватив голову. То, что произошло, было выше его понимания. Подарок судьбы? Нет! Конечно же нет! Почему Сусанна так поступила? Что толкнуло её к этому? Жалость? Жалость к нему, к уродцу?!

Он мысленно метался между мирами, охваченный пожаром страстей и ненавистью к себе самому и к своему телу. Его сердце мужчины ныло от сознания, что к нему применимо лишь это ужасное слово: «*Сострадание*». Он ненавидел это слово! И ненавидел тех, кто, глядя на него, всем своим видом пытался выразить жалость и сострадание. Это мерзкое *сострадание*!

«Мне не нужна ваша жалость! – думал он, пытаюсь взглядом, потоком мысли внушить им свою значимость. – Природа посмеялась надо мной! Но я такой же, как вы!»

Но всё было тщетно, и только «малыш, какой ты несчастный» и вырывалось из уст видевших его.

«Она не предпочла меня Патрику! Нет! Она меня пожалела! Как уродца! Как ничтожество! Как зверушку, у которой

нет ума и сердца! Ненавижу её! Ненавижу!!!»

Он тяжело поднялся на свои коротенькие ножки и куда-то засеменял...

А в другом конце длинного коридора, так же сидя на каменном полу, прижавшись к стене, рыдал Патрик. Чувство жалости к себе перемешалось в нём с выпитым шампанским. Он всхлипывал, скрёб ногтями древние плиты пола, стучал по ним и от злости кусал себе руку.

– Я ненавижу её! – шептали его в кровь искусанные губы. – Ненавижу! Убью! Убью её! Пусть она умрет!

Дойдя до этой точки кипения, Патрик вскочил и побежал туда, где, вероятно, была она – Сусанна – воплощение всей его ненависти...

Мари и Рауль

Красивое тело Мари разметалось на кровати... Сейчас в сероватом лунном потоке её груди – горы-вулканы с тёмными сосками стали приобретать синеву и отливать тем же лунным серым оттенком. (Немного тавтологии – и картинка приобретает мистический смысл – синюшное тело на кровати... сероватые жуткие тени... Страшно?!)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.